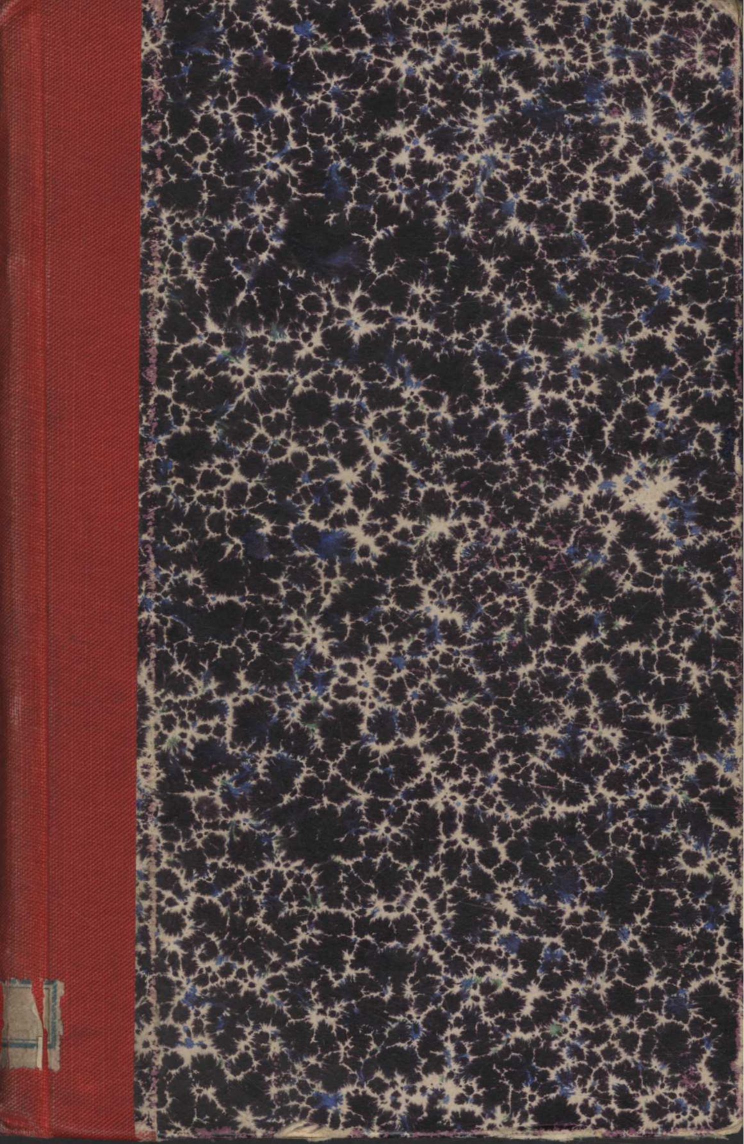
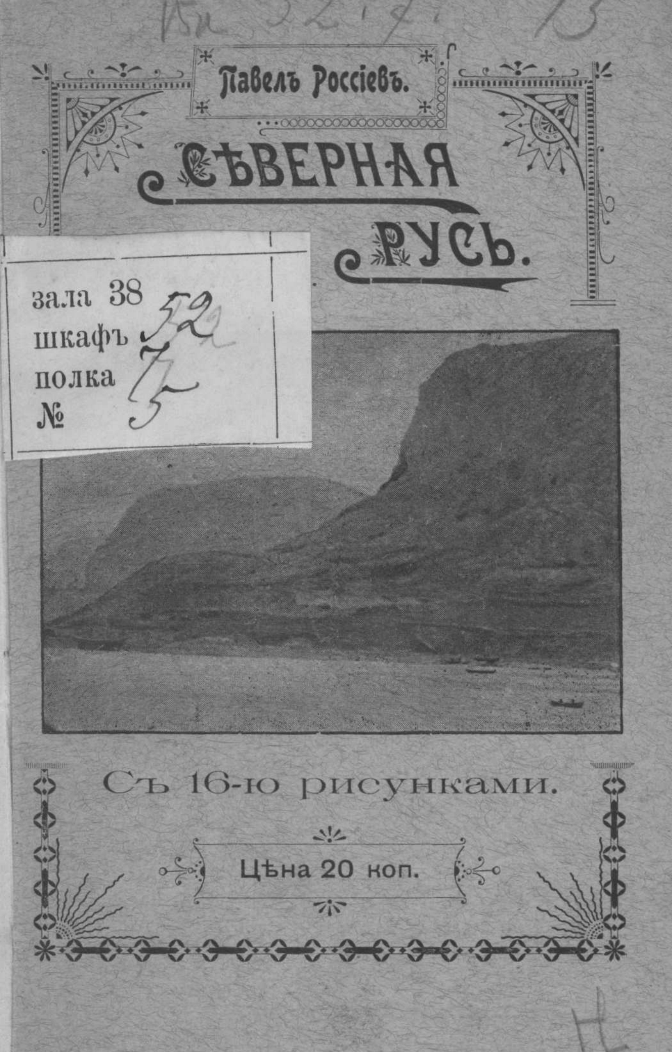




Павелъ Россіевъ.

Сѣверная Русь.

Съ 16-ю рисунками.

Цѣна 20 коп.

Павелъ Россіевъ.

Сѣверная Русь.

ОЧЕРКИ и КАРТИНКИ.



Съ 16-ю рисунками.

МОСКВА.
Типографія И. Я. Полякова, Б. Семеновская, соб. д.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 10 Мая 1902 года.



Суровый край. Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры.

Баратынскій.

I.

НА ПЕЧОРѢ.

Непроницаемая стѣна лѣса... Сосны, лиственницы, ольха и осина,—всякая порода деревьевъ. И всѣ дерева подходятъ рядами къ бурливой Печорѣ, которая, должно быть, сердится на сестру свою Каму. Заходили, запѣнились волны, вьются бѣлыми гребнями о каменистый берегъ.

Вечерѣетъ. Небо синее, кое-гдѣ тучками заслоненное, смотритъ на тихіе лѣса, смотритъ на капризно изломанныя груды скалъ. Смотритъ небо, безстрастное, бездонное.

Мы съ Карпомъ плывемъ по Печорѣ въ ближайшій поселокъ заночевать. Гаснетъ день. Пора

и намъ на отдыхъ. Рѣзали-рѣзали, полосовали-полосовали Печеру-матушку,—довольно; пора и честь знать.

Карпъ, явное дѣло, хочетъ размять косточки на постели; гребетъ и все щурится, какъ сытый котъ. Карпъ—мужикъ красивый, зырянинъ, что на сѣверѣ равносильно названію плутъ. Пермяки и зыряне—это именно Ноздревы; у нихъ чуткіе носы и великолѣпныя бороды, которыя однако такъ-же годны для передержки, какъ и бакенбарды.

Карпу лѣтъ 40, лицо румяное, правильно отточенное; носъ прямой, тонкій, съ открытыми ноздрями, глаза каріе, круглые, большіе... Борода распушилась, точно павлиній хвостъ.

— Карпъ, спокойной ночи!

Онъ встрепенулся. Нехотя усмѣхается.

— Задремалъ-было...

— Погоди немножко, скоро теперь и отдыхъ...

— Ужъ и пора.

У зырянъ, потомковъ финскаго доисторическаго племени чудь, свой языкъ. Однако они владѣютъ и русскимъ языкомъ. Плутамъ приходится имѣть дѣло съ русскими; безъ русскаго языка послѣднихъ никакъ не обойтись.

Мысъ выдался въ Печору. Надо огибать его.

— Не знаешь, Карпъ, какъ онъ называется?

Мужикъ качаетъ головой изъ стороны въ сторону.

—Не знаю. Незачѣмъ мнѣ знать. Мысъ да

мысъ! Мы знаемъ только то, что намъ нужно или антиресно знать, а до прочаго мы не касаемы.

— Что-же тебѣ интересно знать? Скажи.

— Мало-ли что!.. Вотъ, напримѣръ, е (есть) на Уралѣ сопка Тельпосъ-исъ... сей горы намъ нельзя не знать, потому что на ней шаманъ живетъ. Понимаешь, шаманъ? (Злой духъ).

— Не можетъ быть.

Карпъ развелъ руками, такъ что чуть не опустилъ веселъ.

— Вотъ и говори съ тобой послѣ этого. Ты ему: „шаманъ", а онъ, сопки не видавши, „не можетъ быть", говоритъ. Всѣ вы господа такіе-то! Да мы-то, здѣшніе, хуже васъ, что-ль, знаемъ?

— Кто-же вамъ сказалъ, что на Тельпосъ-исѣ живетъ злой духъ?

— Да какъ-же не злой духъ, — разсердился Карпъ, — ежели онъ въ бурю воетъ и убиваетъ всякаго, кто осмѣлится взойти на гору...

— Не можетъ быть, Карпъ...

— Тьфу!.. Люди мерли, а онъ все: „не можетъ быть". Старики небось говорили! Станутъ врать старики?

Между тѣмъ, мы обогнули мысъ. Въ воду врѣзались фестономъ трепетныя осины. Склонились онѣ надъ сѣрою рѣчною поверхностью, хотятъ и не могутъ увидѣть себя въ Печорѣ: Печора сердится, Печора дуется... Перебираютъ осины

листьями, словно лепечутъ что-то, ласкаются къ величественной рѣкѣ.

Картина красивая... По правому берегу змѣится опушка, по лѣвому—потянулись горы, причудливыя, пестрыя. Солнце бросило на нихъ радужныя пятна, алый пологъ — на верхушки деревъ. Какъ огненный хвостъ сказочнаго Змѣя-Горыныча, сверкаетъ гребень волны, на который солнце брызнуло прощальнымъ лучомъ роскошнаго заката... Плывемъ. Тишина. Карпъ, очевидно обидѣвшійся на меня за отрицаніе злого духа на Тельпосъ-исѣ, хмурится... Вдругъ — трескъ... Кто-то въ лѣсу сучья ломаетъ... „Кто-бы это могъ быть?“

— Карпъ, слышишь?

— А то не слышу, что-ли!

— Полно, не сердись... Какъ думаешь, кто тамъ сучья ломаетъ?

— Вѣдьмедь. Знамо. По ягоды пошелъ.

— Неужели?

— Опять не вѣрите?

Какъ не вѣрить! — „генералъ Топтыгинъ“ продрался сквозь чащу на опушку. Остановился у самаго края берега, вытянулъ острую морду и смотритъ на насъ.

— Ишь, косолапая тварь! Стоитъ, какъ словно такъ и надо... Кшш!..

И Карпъ замахнулся на косолапаго Мишку весломъ.

Тотъ хоть-бы ухомъ повелъ... вѣрно, не

понялъ грубости. И только, когда мы были уже саженяхъ въ 30—40 отъ него, повернулся и убрался въ лѣсъ.

— Хорошая тварь,—замѣчаю я вслухъ.

Карпъ смотритъ на меня, какъ-бы припоминая что-то, потомъ говоритъ:

— Вѣдьмедь—что! Ну, потѣшить можетъ, отъ скуки можно мясо его ѣсть, хотя песецъ куда вкуснѣе... нѣтъ, вотъ въ Камѣ есть осетръ, иногда онъ и въ Печору заходитъ... ахъ, это вотъ осетръ! Золотой, да чудной-то какой!..

— Чѣмъ-же онъ замѣчателенъ, вашъ золотой осетръ?

— То-то, что не нашъ! Кабы нашъ былъ, что и горевать, а то камскій. Этотъ осетръ можетъ всякаго счастливымъ сдѣлать. Ежели его поймать, какой-угодно выкупъ дастъ. Годовъ пять назадъ, одинъ какой-то пермякъ уловилъ его съ прочею рыбою, такъ осетръ выбросилъ пермяку изъ Камы бочку золота,—только отпусти, сдѣлай милость. Знамо, пермякъ отпустилъ осетра за бочку золота. И я бы отпустилъ, — отчего не такъ! И много народу пошли разживаться съ легкой руки камскаго осетра!...

— И ты вѣришь этому, Карпъ?

— Ну, ужъ послѣ этого, господинъ, извини,— безапелляціонно отвѣчалъ онъ, — ты или очень заучился, или ничего не знаешь. Осетръ плаваетъ и посейчасъ, а онъ — на-поди! Послѣ этого ты и не разговаривай со мной. Ты думаешь, мы

тутъ ужъ ничего-ста и не видывали? Не, братъ, мы еще побольше васъ, архандельскихъ, знаемъ.

— Да я и не архангельскій...

— Врешь! На Двинѣ народъ упрямый. Ты изъ Архандельска. И не спорь лучше, мы узнаемъ птицу по полету.

Показалось село на лѣвомъ берегу. Изъ-за пригнувшихся и отодвинувшихся горъ выглянули керки (избы), высокія, просторныя, какъ всюду, кажется, въ Архангельской губерніи. Надъ водою выстроились небольшія избенки: бани. Зыряне любятъ париться въ банѣ; баня и больница ихъ. Изъ бани прямо въ рѣку — купаться. Конечно, купаются только лѣтомъ.

Наконецъ, мы подплыли къ берегу. Привязавъ лодку къ березкѣ, Карпъ повелъ меня къ себѣ въ керку. Прошли половину опустѣвшей улицы, взошли на крыльцо, потомъ въ сѣни; по сторонамъ двѣ двери.

— Пожалуйте направо, — уже любезно, какъ и подобаетъ настоящему зырянину, пригласилъ меня Карпъ.

— Отчего-же не налѣво?

— Та горница не для гостей.

Вошли въ правую комнату. Чистые столы подъ бѣлыми скатертями, полъ устланъ оленьими шкурами, на стѣнахъ зеркала... Въ углу голландская печь.

— Жонка!

— Ау!

Въ комнату вошла среднихъ лѣтъ женщина въ яркомъ сарафанѣ, поверхъ котораго на ея богатырскихъ плечахъ лежала атласная накидка на песцовомъ мѣху. Баба — кровь съ молокомъ. Мы поздоровались.

— Угощай, жонка, насъ.

— А съ удовольствіемъ.

И вышла. Нѣсколько минутъ спустя, возвращается съ дочкою, миловидною дѣвушкой, лѣтъ 18, тоже въ сарафанѣ, зашитомъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Обѣ несутъ подносы съ вареной рыбой, жареной олениной, дичью; тутъ-же молоко, суръ (брага) и ырошъ (квасъ изъ ячменнаго солода).

— Сейчасъ и чай поспѣетъ,—говоритъ хозяйка съ улыбкою.

— Чай какъ будемъ пить: по-нашему или по-архандельски?—весело обращается ко мнѣ Карпъ.

— Это какъ по-вашему?

— Чай по-нашему: съ анисомъ, лукомъ и перцемъ.

— Покорно благодарю: лучше ужъ по-архангельски: съ сахаромъ.

Зыряне смѣются.

— Желаете, мы и щей подадимъ,—предлагаетъ хозяйка.

— Какія щи?

— Изъ борща (растеніе), съ мукою. Хорошія щи, жирныя—съ векшею... Я отказался.

— Жонка, а столъ кривой, ха-ха!

— Ахъ, ахъ... Марьюшка, тащи скорѣе соль. Извините, пожалуйста. Дѣвушка побѣжала за солью.

— И хромой... Ахъ, жонка, жонка! Водки не поставила...

Появилась и водка.

Дѣвушка принесла соль.

— Матица, а тò-то вынуть? Завести?

— Заведи, заведи,—отвѣчали въ одинъ голосъ отецъ съ матерью.

Дочь вынула изъ стола... что бы вы думали?— музыкальный ящичекъ. Подъ звуки „Конька-Горбунка" мы принялись уплетать снѣдь...

Послѣ ужина я отправился на повѣть спать, а Карпъ париться въ баню.

На слѣдующее утро, которое было воскреснымъ, я уѣхалъ изъ села. Вся сельская молодежь, собравшись на берегу, пѣла хоровыя пѣсни. Скрипѣла гармоника. Солнце жгло. Нужды нѣтъ,— у дѣвушекъ зонтики...

— Съ зонтиками, а! — говорю на прощанье Карпу.

— Какъ-же,—усмѣхнулся онъ,—безъ парасоли у насъ не щеголяютъ.

На Печорѣ живутъ не такъ, какъ въ центрѣ Россіи...

II.

Архангельскъ.

Сѣверная Двина—не хуже Печоры. Оттого, возвратясь въ Архангельскъ, нѣтъ надобности вздыхать о красивой рѣкѣ, протекающей по богатому, но, какъ тридесятое царство, невѣдомому краю...

Вотъ онъ—Архангельскъ...

Городъ десятки разъ описывался, поэтому - я не буду касаться исторіи его, а ограничусь только впечатлѣніями, вынесенными изъ осмотра его.

Расположился онъ на правомъ берегу Двины и потянулся въ длину верстъ на 8—9; въ ширину Архангельскъ занимаетъ едва-ли и три-четверти версты, такъ-какъ болотистая тундра не позволяетъ больше развернуться.

Главная улица—Троицкій проспектъ, параллельно которой легли Средній проспектъ и окраинная Новая дорога, перерѣзанные узкими, плохо мощеными переулками. Не скажу, чтобы и Троицкій проспектъ отличался красотой.

— Чтò стоитъ у васъ осматривать?—спрашиваю у архангельскаго жителя, подсѣвшаго въ вагонъ на ст. Тундра, когда ѣхали изъ Вологды.

Онъ пожалъ плечами.

— Какъ вамъ сказать... Городъ вообще инте-

ресный. Осмотрите музей съ чучелами птицъ и звѣрья и принадлежностями охоты, побывайте въ соборѣ, въ гавани - Соломбалой зовется, – въ Кузнечихѣ, если интересуетесь житьемъ-бытьемъ мѣстной бѣдноты. Попутно натолкнетесь и на иныя достопримѣчательности.

— Есть порядочныя гостинницы?

— Поѣзжайте въ Троицкую. Это—лучшая.

Дѣйствительно, гостинница недурная. Чисто, прилично, номера свѣтлые, просторные. Въ корридорѣ вывѣшено объявленіе: „покорнѣйше просятъ не появляться въ корридорѣ въ нижнемъ бѣльѣ".

Говорю слугѣ:

— А развѣ случалось нѣчто подобное?

— Въ прошломъ году отставной полковникъ у насъ стоялъ; такъ, онъ по утрамъ гулялъ по корридору чуть-что безъ ничего.

Очевидно, своя фантазія не у однихъ бароновъ...

До музея недалеко, и онъ представляетъ несомнѣнный интересъ, знакомя съ промышленностью сѣвера Россіи.

Еще ближе—соборъ, построенный въ 1743 г. Онъ двухъ-этажный, пятиглавый. Нижняя церковь темновата, но верхняя свѣтлая. Во второй ярусъ ведутъ двѣ лѣстницы. Посрединѣ 3 маленькихъ пушки, а подъ ними надпись: „Государь Императоръ Петръ I-й, грамотою 1706 г. іюля 24-го дня на имя Архангельскаго Архіепи-

скопа Аѳанасія пожаловалъ ему три пушки, изъ взятыхъ въ томъ годѣ въ плѣнъ подъ Архангельскомъ шведскихъ фрегата и яхты".

Надъ дверью образъ Нерукотвореннаго Спаса.

Управой отъ входа стѣны, подъ золоченымъ балдахиномъ, хранится сосновый крестъ въ 6 аршинъ.

Сторожъ объясняетъ:

— Самъ царь Петръ Великій сдѣлалъ въ память спасенія отъ бури на Бѣломъ морѣ. Теперь его шесть человѣкъ не въ силахъ поднять, а Петръ самъ сдѣлалъ и во храмъ принесъ.

— Неужели?

Оглядываюсь—дама съ мальчикомъ, лѣтъ семи-восьми.

— Такъ точно, сударыня.

Барыня лорнируетъ.

Мальчикъ спрашиваетъ:

— Мама, онъ былъ великій—царь?

— Великій, дѣтка.

— Мама, а онъ родился великимъ?

Мать улыбается.

— Да, онъ и родился Великимъ...

— А почему Костя съ Соней родились маленькими?

Мать улыбается и молчитъ.

Сторожъ, шмыгая носомъ, вставляетъ:

— Вообче, теперьча народъ мелокъ пошелъ...

На крестѣ надпись по-голландски: Dat Kruus maken kaptein Piter van a. Chr. 1694.

Около собора гагаринскій скверъ. Бѣлостволь-

ныя березы ласкаютъ глазъ. Аллея ихъ приводитъ къ памятнику Ломоносова.

Ломоносовъ въ тогѣ стоитъ на полушаріи. Колѣнопреклоненный геній подаетъ ему лиру. Богомолки, которыя, какъ извѣстно, ни надъ чѣмъ не задумываются, искренно принимаютъ знаменитаго „архангельскаго мужика“ за святого, и часто можно видѣть, какъ эти „дряблыя, разбитыя ногами и голосомъ старушки, въ крашенинныхъ сарафанахъ, съ остроносыми сороками на головахъ“, молятся передъ памятникомъ.

На набережной, гдѣ тянутся прекрасные бульвары, стоитъ полуразрушенный домикъ Петра Великаго. Голыя стѣны, совершенно пустыя комнаты, безъ всякаго намека на то, что здѣсь когда-нибудь трепетала жизнь.

Хромой мужикъ водитъ по грязнымъ комнаткамъ и какъ-то досадно становится за общество, равнодушное къ дорогимъ памятникамъ...

Скажите, ну, дорого-ли стоитъ создать изъ этого сруба уголокъ, который-бы воскрешалъ въ памяти образъ Преобразователя Россіи, такъ много трудившагося на пользу родного сѣвера?

На Западѣ умѣютъ достойно чтить память менѣе славныхъ предковъ. Сколько тамъ музеевъ, домовъ, соединенныхъ съ именемъ того или другого знаменитаго, великаго человѣка. А у насъ...

Единственный домикъ Петра Великаго, который поддерживается,—это петербургскій, да и то, можетъ быть, потому что онъ обращенъ въ часовню.

За то въ Архангельскѣ, въ Валуйкахъ и т. д.— полнѣйшая мерзость запустѣнія.

Я видѣлъ домикъ Петра Великаго въ Заандамѣ, или,—какъ у насъ принято называть: Саардамѣ... и что-же?

Онъ хранится подъ каменнымъ футляромъ. Онъ защищенъ отъ вліянія разрушающихъ стихій. Въ заандамскомъ домикѣ все: и картины, и голландскія надписи, и стихи русскихъ поэтовъ,—все напоминаетъ о геніальномъ государѣ...

Въ архангельскомъ домикѣ Петра—во всѣхъ пяти его комнатахъ—ничего, кромѣ паутины, насѣкомыхъ, обломковъ кирпичей и грязи.

Изъ заандамскаго пріюта Петра не хочется уходить, въ архангельскомъ десяти минутъ не пробудешь...

Да, этотъ „гнилой" Западъ! Какъ, однако, онъ далеко оставляетъ за собой здоровую Русь,—ту, о которой Некрасовъ справедливо сказалъ:

> Ты и убогая,
> Ты и обильная,
> Ты и могучая,
> Ты и безсильная,
> Матушка—Русь!..

Куда еще идти? Что смотрѣть? На пристани копошатся соловецкіе монахи, пароходъ которыхъ завтра идетъ въ соловецкую обитель. Монахи-плотники, монахи-кузнецы, монахи-матросы—всѣ тутъ, и никого не удивляютъ.

Идти-ли въ Кузнечиху, гдѣ ютится мѣстная бѣднота?

Зачѣмъ?

Чтобы видѣть, какъ живутъ бѣдняки въ Архангельскѣ?.. Да развѣ они живутъ? Бѣдняки маются, а не живутъ; а маются вездѣ одинаково. И я думаю—надо быть жестокимъ человѣкомъ чтобы устраивать спектакль изъ маяты пасынковъ судьбы...

III.

Поѣздка въ Холмогоры.

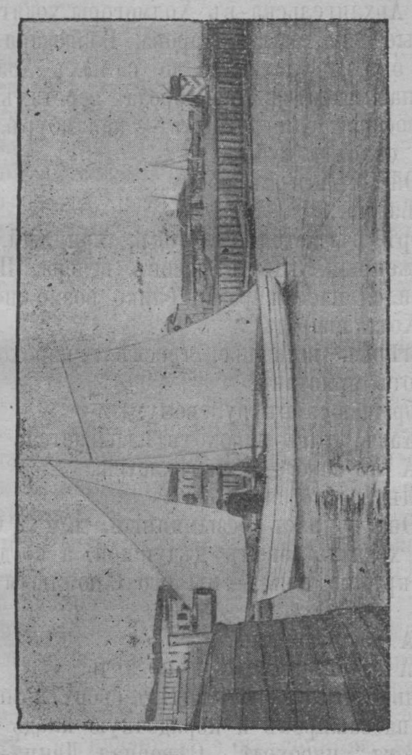
На пристани, противъ собора, собралась, что называется, разношерстная толпа. У конторки, гдѣ продаются билеты, давка.

Какой-то восточнаго вида человѣкъ блуждаетъ горящими черными глазами, толкаясь между бабами.

— А ужъ этотъ черномазый обязательно облевизуетъ чей-нибудь карманъ! — довольно громко предполагаетъ паренекъ изъ тѣхъ, которыхъ любитъ изображать Лейкинъ.

Къ матросу, дюжему мужику, съ бородо Моюисея Микель-Анджело, что-то мастерящему на пароходной вахтѣ, подбѣгаетъ быстроглазая бабен-

ка, пышная, румяная, такъ и брызжущая здоровьемъ.



— Слышь-ка, въ Холмòгоры? — спрашиваетъ она.

Не оборачиваясь, матросъ отвѣчаетъ:

— Не доѣдемъ.

Изъ Архангельска въ Холмогоры ходятъ двухклассные пароходы Макарова. Благодаря мелководью, они не доходятъ до самыхъ Холмогоръ, и останавливаются отъ города верстахъ въ 14. Матросское: „не доѣдемъ“ - каламбуръ.

Баба скалитъ зубы:

— Ой-ли! А я-жъ поѣду...

— Ѣзжай...

Вскорѣ раздается свистокъ, хриплый, словно простуженный. Шесть часовъ вечера. Пароходъ наполнился пассажирами, елико возможно.

— Ходъ впередъ!...

Пыхтѣнье, шипѣнье, трескъ... пароходъ отошелъ отъ пристани!

Я обращаюсь къ рулевому:

— Какъ этотъ пароходъ называется?

— А пò што?—и усмѣхается.

— Интересно знать.

— Онъ у насъ безымянный. Когда благополучно ходитъ, зовемъ Дѣдушкой, а когда начинаетъ крѣпко течь,—мы его Слюнявымъ величаемъ.

— А развѣ течетъ?

— А отчего-жъ ему и не течь?

Очень пріятно было видѣть сверхъкомплектное число пассажировъ и порядочную кладь на „рѣшетчатомъ“ пароходѣ!.. Сѣверная Двина—не лужа. Купаться или барахтаться въ ней, въ случаѣ,

если пароходъ дастъ изрядную течь, — удовольствіе, нечего сказать!

— Зачѣмъ-же вы пускаете подобные пароходы? Вѣдь можетъ произойти несчастіе.

Рулевой отвѣчаетъ спокойно:

— По нуждѣ. Всѣ пассажирскіе пароходы въ разгонѣ, ну, такъ, вотъ и пришлось этотъ, грузовой, пустить. Да онъ далеко не пойдетъ: на 6-ой верстѣ встрѣтимъ настоящій пароходъ, который и возьметъ васъ. А мы вернемся.

Конечно, буфета на пароходѣ нѣтъ. Кто хочетъ чаю, обращается къ кочегарамъ, и тѣ кипятятъ воду въ посудѣ, достойной худшаго примѣненія. Впрочемъ, россіяне ничего, — пьютъ и не морщатся. Я вспоминаю, глядя на нихъ, американскихъ капитановъ и страусовъ, способныхъ все переваривать.

Грязь на пароходѣ татарская .. Ужъ, только чтобы не видѣть ея, станешь любоваться Сѣверной Двиной и разстилающимся за нею просторомъ...

Красавица-рѣка! Бѣжитъ въ зеленыхъ берегахъ, минуя лѣса, деревни, села. Вечеръ. Солнце заходитъ. Золотомъ да янтаремъ залитъ горизонтъ, алыми мазками кто-то тронулъ контуры бѣлыхъ облачковъ, раскидавшихся въ сонномъ воздухѣ.

По рѣкѣ, по широкой Двинѣ стелется золотая дорога, зыблется, дрожитъ; румянецъ заката вспыхиваетъ на куполахъ сельскихъ церквей.

Хорошо на Двинѣ! Раздолье! Сидишь на палубѣ, слѣдишь глазами за всей этой прелестью,

которую создала природа и тихо, мирно, свѣтло становится на душѣ. Рѣка, тихая, мѣрно вздыхающая, изумрудныя поля, малахитовыя стѣны лѣсовъ, просторныя избы,—какъ это мило!

Сытый народъ,—на Двинѣ сытно живутъ! благодать.

Вонъ на берегу, подъ скалистою кручею, загорѣлся огонекъ; вспыхнулъ, исчезъ, опять задрожалъ длиннымъ языкомъ: рыбаки костеръ развели. Будетъ уха.

Эхъ, ко всему-бы этому еще пѣсню! Но нѣтъ! не звенитъ она—

Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою—невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная—омытая!

Не будитъ она вечерняго сна—эта пѣсня, которая

Не сама-собой спѣлася-сложилася,

которую «съ пустырей намыло снѣгомъ-дождикомъ, нанесло съ пожарищъ дымомъ-копотью, намело съ сырыхъ могилъ метелицей»...

Однако, на шестой верстѣ пассажирскій пароходъ не встрѣтилъ насъ. Рулевого осаждаютъ вопросами:

— Что-же вашъ пароходъ?

— Гдѣ-же онъ?

— Неужели на этомъ будемъ тащиться?

Рѣчной волкъ невозмутимъ.

— Видно,—отвѣчаетъ съ усмѣшкой: – Слюнявому-Дѣдушкѣ стараться для васъ до конца...

Дѣйствительно, «Слюнявому - Дѣдушкѣ» пришлось «стараться для насъ до конца». За старанья, однако, благодарить его не приходилось, такъ какъ 50 съ небольшимъ верстъ пароходъ переходитъ часовъ 6 слишкомъ.

Добрались кое-какъ до рѣчки Курьей. Переправа. Подали паромъ. Кто былъ ближе знакомъ съ мѣстными порядками, кончавшимися тамъ, гдѣ начинались безпорядки, тотъ скоро нашелъ лошадей, чтобы проѣхать послѣднія четырнадцать верстъ до Холмогоръ, намъ-же, непосвященнымъ, приходилось пережить непріятный часъ, прежде чѣмъ нашлись ямщики.

Кто-то предложилъ идти пѣшкомъ до города. Большинство отказалось.

— На пароходѣ остаться ночевать...

— Въ такую-то свѣжую ночь? Безъ подушекъ, одѣяла, простыни? Что вы!—Пошли искать ямщиковъ, съ большими усиліями нашли.

Второй часъ ночи.

— Куда ѣхать?

— Въ Холмогоры.

— Да, но куда?

— Въ гостинницу.

Оказалось, что въ Холмогорахъ нѣтъ ни гостинницы, ни постоялаго двора.

— Въ женскомъ монастырѣ, правда, есть гостинница, очень хорошая...

— Отлично. Туда и ѣхать!

— Поздно, теперь не пустятъ.

— Въ такомъ случаѣ, ямщики, везите туда, гдѣ пускаютъ ночевать.

Поѣхали.

Ѣхать приходилось все берегомъ рѣки Курьей, притока Двины, мимо огородовъ. Хоть и песокъ сыпучій, а лошади бойко везли.

Меня Холмогоры привлекали, какъ историческій городокъ. Тутъ Великій Петръ бывалъ. Однажды онъ не мало перебилъ холмогорскихъ горшковъ Даль разсказываетъ: осмотрѣвъ лодку съ горшками и побесѣдовавъ съ хозяиномъ, государь упалъ-было съ кладки, положенной на лодкѣ; доска сорвалась и, упавъ, перебила много товару.

Мужикъ почесалъ затылокъ и въ простотѣ молвилъ: „вотъ тебѣ и выручка!

Царь усмѣхнулся и спросилъ:

— А много-ли?

Мужикъ отвѣчалъ:

— Да теперь не много; а было-бы алтынъ на сорокъ.

Царь пожаловалъ ему изъ своихъ рукъ червонецъ, сказавъ:

— Торгуй, разживайся, а меня лихомъ не поминай.

Въ Холмогорахъ жилъ Антонъ Ульрихъ со своимъ семействомъ, печальная исторія котораго общеизвѣстна.

Наконецъ, изъ деревни Денисовки, болѣе из-

вѣстной здѣсь подъ названіемъ: *Болото*, раскинувшейся за Курьей, вышелъ „архангельскій мужикъ“ М. В. Ломоносовъ, который

По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ...

Ночь свѣжая, прохладная, ясная. Набѣжали-было облака, да вѣтеръ принялся разгонять ихъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, видимъ соборъ. Показался, воздвигъ золотой крестъ и опять пропалъ за холмами. Въ утренней, предразсвѣтной дымкѣ купается городъ. Ни огней, ни шума. Спящая или дремлющая Русь?

Вотъ лугъ, широкій, зеленый. Пасется стадо. Быки и коровы тучные, ни дать, ни взять—фараоновы.

— Ямщикъ, это—холмогорскій скотъ?

— Ну, знамо...

Холмогорскій рогатый скотъ,—это помѣсь голландской породы съ мѣстною.

Проѣхали мимо церкви св. Ильи Пророка. Стоитъ на берегу, кругомъ могилы съ покосившимися крестами.

— Небось заливаетъ вода весною?

— Церькву-то? Заливаетъ и есть.

Наконецъ, застава... Вотъ и городъ. Стоитъ по немощенной набережной порядокъ домишекъ, неприглядныхъ, неуклюжихъ, сѣренькихъ.

— Питенбурхская улица,—докладываетъ ямщикъ.

Гляжу я на „питенбурхскую улицу“—раздолье поросятъ—и уже предчувствую, что, если даже и пустятъ куда-нибудь на ночлегъ, спать не придется. Ибо въ домишкахъ, несомнѣнно, живутъ не только люди, но и паразиты, съ которыми придется воевать.

Горбунъ, вылѣзшій откуда-то изъ будки, зѣвая, впускаетъ насъ въ городъ.

— Гдѣ-же, однако, ночевать?

Вѣтеръ крѣпнетъ. Холодно. Оставаться на улицѣ невозможно—ясное дѣло.

— Толкнитесь въ третій домъ,—предлагаетъ ямщикъ,—здѣсь пущаютъ.

Стучусь.

На стукъ отзывается пара хриплыхъ собачьихъ голосовъ и потомъ выходитъ старикъ. Одѣтъ „безъ церемоніи“.

— Переночевать у васъ можно?

— Пожалуйте.

Но прежде, чѣмъ отвѣтить, оглядѣлъ съ ногъ до головы.

Изъ сѣней ведетъ въ просторную горницу, черезъ „залу“, въ боковую.

— Вотъ тутъ лягете...

— А на чемъ?

— Желаете—на печи, а то такъ на полу.

Печь на деревянномъ основаніи, какъ всюду, кажется, на сѣверѣ, шумитъ тараканами.

— Нѣтъ, ужъ,—говорю,—лучше на полу.

— Какъ хотите.

И старикъ вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ баба внесла перину, покрыла ее чистымъ полотномъ, бросила пару подушекъ.

— Больше ничего?—спрашиваетъ зѣвая.

— Спасибо и за это.

Вышла. Я только-что раздѣлся,—опять та-же физіономія.

— Вы, господинъ, кто-же будете?

— Маленькій человѣкъ.

— Грѣховодникъ... Ну, спите, ничего.

И стушевалась.

Проснувшись утромъ, я отправился осматривать городъ. Вѣтеръ расходился такъ, что приходилось держать шляпу.

Улицы узкія, кривыя, поросшія травой. На площади торжокъ. Ничего такого, что-бы стоило вниманія, нѣтъ. Ищу костюмовъ, головныхъ уборовъ, характеризующихъ далекую окраину,—и напрасно: платки, платья, поддевки. Позднѣе мнѣ говорили, что въ одномъ только Сумскомъ посадѣ и сохранились еще прежніе костюмы, а то нигдѣ ужъ ничего. На дальнемъ сѣверѣ женщины одѣваются, какъ въ центрѣ Россіи,—безвкусно, просто, неприглядно.

Въ Сумскомъ-же посадѣ до сихъ поръ въ обычаѣ говорить, когда выдаютъ дочь замужъ:

— Будь, дочушка, хозяйкой, храни жемчугъ, не измѣняй отцовской одеждѣ.

И „дочушка“ всю жизнь помнитъ материнскія

слова. Зато, въ воскресный день, выйдетъ сумская женщина изъ дому,—заглядишься. Вся жемчугомъ унизана; на головѣ кокошникъ, хоть-бы и боярынѣ впору, алая, либо голубая шелковая безрукавка, цвѣтами расшитая, бѣлоснѣжная сорочка съ пышными рукавами, юбка съ золотыми каймами, побѣлѣвшими отъ жемчуга, тоже вся въ цвѣтахъ...

Съ торжка—въ соборъ.

Соборъ стоитъ на широкой зеленой полянѣ, въ сторонѣ отъ теперешнихъ Холмогоръ, на мѣстѣ прежнихъ, которыя существовали до XVII столѣтія, перейдя въ область воспоминаній и исторіи.

Тѣ Холмогоры и скандинавскимъ сагамъ родственны. Соборъ похожъ на московскій Успенскій. Онъ достоинъ подробнаго осмотра; у него пяти-ярусный иконостасъ; въ алтарѣ—хоры. От. дьяконъ—очень любезный человѣкъ, все показываетъ, что есть достопримѣчательнаго.

— Хоры .. Трещины и щели показались... (о. дьяконъ вздыхаетъ). Эхъ-хе-хе!..

— Отчего, о. дьяконъ, щели-то?

— Отъ небреженія. Ремонтъ требуется. Вѣдь, это историческій памятникъ, помилуйте! а никто не обращаетъ вниманія. У насъ средствъ нѣтъ, а... э, да что толковать!.. Вотъ евангеліе 1628 г., евангеліе перваго архіерея Аѳанасія, крестъ съ частями мощей, сосуды 1605 г., пелена 1561 г., деревянная лжица, дароносица желѣзная, ржаныя

просфоры этихъ-же временъ... Мало-ли здѣсь цѣннаго! Только никто не обращаетъ вниманія...

По стѣнамъ собора стоятъ гробницы шести архіереевъ, съ портретами ихъ на стѣнахъ. Изъ портретовъ обращаетъ на себя вниманіе портретъ преосвященнаго Аѳанасія. Онъ изображенъ безъ бороды. Помните историческій эпизодъ?

Въ правленіе царевны Софьи происходилъ въ Грановитой палатѣ споръ о „правой вѣрѣ". Вожакъ раскольниковъ Никита Пустосвятъ — разстрига-попъ—бросился на преосвященнаго холмогорскаго Аѳанасія и, закричавъ:

— „Что ты, нога, выше головы становишься!"

Вырвалъ у архіепископа бороду.

Черезъ дорогу стоитъ Успенскій женскій монастырь. Здѣсь жили Ульрихи, но—таковы ужъ мы!—въ настоящее время о пребываніи злополучнаго семейства не сохранилось никакихъ воспоминаній.

— Гдѣ комнаты Ульриховъ?

— Въ нихъ живетъ мать-казначея.

— Гдѣ могила Антона Ульриха?

— Неизвѣстно...

Точно также о Ломоносовѣ напоминаютъ лишь школа въ Денисовкѣ да скромная во всѣхъ отношеніяхъ холмогорская читальня,—двухъ-этажный домикъ, почти покосившійся.

Спрашиваю: нѣтъ-ли въ живыхъ потомковъ Ломоносова?

— Всѣ перемерли,—отвѣчаютъ,—и Ломоносовы, и Головины...

Дѣло къ вечеру. Больше незачѣмъ оставаться въ Холмогорахъ, и доселѣ служащихъ ссыльнымъ пунктомъ

— Когда отправляется пароходъ въ Архангельскъ?—спрашиваю, возвратясь, у своихъ хозяевъ.

— Ѣзжайте, теперецка скоро.

Въ городѣ извощиковъ нѣтъ. На чемъ ѣхать до парома, т.-е., прежнія 14 верстъ?

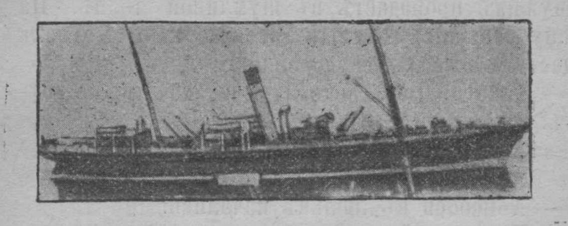
— Довезетъ меня кто-нибудь?

— Мужицекъ довезетъ,—подговорите. Ходите на базаръ—тамъ найдете.

День воскресный. Мужички, чтобы не „посрамить земли Русской", всѣ пьяные. Разговаривать съ ними труднѣе, чѣмъ, думается, съ китайцами...

Таковы прелести поѣздки въ Холмогоры. Конечно, побывавъ въ этомъ городѣ разъ, въ другой—не захочешь.

И не оттого-ли такъ тянетъ на просторъ Ледовитаго океана въ незнакомую даль?..



VI.

Пароходъ „Ломоносовъ“.

Скоро поплывемъ,—пятый часъ на исходѣ. Соломбальская пристань въ Архангельскѣ кишитъ, какъ муравейникъ. Шумъ, гамъ, грохотъ извозчичьихъ линеекъ. Въ трюмы спускается кладь. „Ломоносовъ“ нагружается. Изъ трубы дымъ потянулъ.

Команда суетится. Сѣверный говоръ на „о“ рѣжетъ непривычный слухъ москвича.

— Ликсандтa Ликсандтычъ, скоро теперча?— подбѣгаетъ къ старшему штурману рослый мужикъ, рыжій, бородатый, обливающійся крупными каплями грязнаго пота.

— Бѣги, выпить успѣешь.

Штурманъ, кругленькій, какъ сказочный колобокъ, широко улыбается.

Мужикъ пропадаетъ въ шумливой толпѣ. На смѣну барышня. Томный взглядъ карихъ глазъ падаетъ на веселаго здоровяка.

— Александръ Александрычъ, качать не будетъ?

— А вамъ бы хотѣлось?

— Ай, что вы, что вы!

— А небось въ люлькѣ качались?

— Нѣтъ, сурьезно?..

— Успокойтесь, не будетъ качки. Побережникъ—не морянка [1]), волны-то совсѣмъ нѣтъ, словно въ корытѣ... Развѣ у Святого Носа качнетъ, да и то ежели капитанъ по кочкамъ пойдетъ,—и смѣется.

А капитанъ на мостикѣ; равнодушно наблюдаетъ толпу. Премилый поморъ, невысокаго роста, худощавый съ крохотной бородкой. Онъ не боится моря. Еще-бы! По седьмому году окунулся въ изумрудную зыбь Ледовитаго океана и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ теченіе 43 лѣтъ, бороздитъ безпокойную стихію.

— Куда ѣдете?—останавливаетъ лоцманъ какого то господина въ крылаткѣ и помятой шляпѣ.

— Въ Вардэ.

— Запаслись заграничнымъ паспортомъ?

— А развѣ нужно?

— Да Вардэ-то норвецкій городъ, или нѣтъ?

— А я не зналъ... какъ-же теперь...

---

[1]) Побережникъ—вѣтеръ съ берега; морянка—морской.

— Ладно ужъ, въ другой разъ знайте, а на сей—не будемъ васъ показывать.

Свистокъ. Якорь подобрали. Плывемъ. На Мурманъ? На Мурманъ. „Ломоносовъ“ и „Императоръ Николай“—два парохода океанскаго типа, совершающіе обычные рейсы по мурманской линіи; въ смыслѣ удобствъ первый уступаетъ последнему. Кухня на первомъ, правда, лучше, но въ остальномъ – не взыщите. Чистота относительно сносная, но ни библіотеки, ни газетъ, ни чистой прислуги не ищите. Четверо сутокъ ѣдете до Норвегіи и кромѣ отжившихъ нумеровъ *Сѣв. Края*, одного-двухъ нумеровъ *Будильника*, да случайно попавшаго въ салонъ обрывка какой-нибудь петербургской газеты, печатной строки не увидите. Есть піанино, но оно такъ разбито, что вмѣсто услады только раздражаетъ.

Въ дорогѣ знакомства завязываются быстро.

— Далече изволите?

Оборачиваюсь,—около меня стоитъ благообразный старикъ; глаза улыбаются.

— До Вардэ,—отвѣчаю.

— По дѣлу, за рыбой, или такъ?

— Такъ.

— Захотѣли сѣверъ посмотрѣть,—спасибо вамъ! Богатый, хорошій край, только мало мы его знаемъ, отчего и не цѣнимъ. Иностранцы любознательнѣе, куда! Англичане, нѣмцы,—много ихъ сюда наѣзжаетъ. Про шведовъ и норвегъ и говорить нечего... Да, норвеги, норвеги!... Ста-

рикъ вздыхаетъ, усмѣшка пробѣгаетъ по желтоватому лицу.

— А что?

— Какой кусъ у насъ выхватили, ай-ай-ай, какой лакомый кусъ!—качаетъ головой старикъ.— Конечно, петербургскіе чиновники въ этомъ отношеніи дѣти были, да имъ, вѣдь, все равно, но мы, поморы, мы знаемъ, чего стоитъ Финмаркенъ... Я говорю о нашей границѣ съ Норвегіей, какъ ее проводили...

— Ну?

— Ну, наши чиновники, которыхъ тогда назначили для разграниченія, очень чернобурыхъ лисицъ любили и цѣнили ихъ высоко-высоко... А норвеги, какъ добрые сосѣди, ради хорошихъ людей, за чернобурыми лисицами не постояли: 50 штукъ преподнесли и... и всѣ остались довольны.

И старый поморъ засмѣялся, какъ смѣются люди, которые хотятъ чего-нибудь и не могутъ получить.

— Вотъ одинъ изъ нихъ,—киваетъ поморъ на коренастаго человѣка, облокотившагося на бортъ.

— Кто это?

— Норвежецъ Пильфельдъ съ Вайдогубы. Очень богатый человѣкъ..

Потомъ я познакомился съ „норвегой" Пильфельдомъ, во всякомъ случаѣ личностью на Мурманѣ не заурядною... Средняго роста, коренастый, плотный, онъ производилъ на меня впечатлѣніе

человѣка сильнаго духомъ и физически. Спокойная улыбка круглыхъ сѣрыхъ глазъ, тихій ровный голосъ... Некрасовская бородка и шкиперскій картузъ придавали много характернаго фигурѣ норвежца.

У него свои суда, хорошій домъ, крупное хозяйство...

Отъ Архангельска до Тромзэ кто не знаетъ, или хотя-бы не слыхалъ имени Пильфельда?

Онъ заговорилъ со мной по-русски. Кстати: норвежцы и шведы, разъ они говорятъ по-русски, не станутъ здѣсь говорить съ вами ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ нашего. Иное дѣло—финны-покрученники [1]. Спросишь у него:

— Говоришь по-русски?

Трясетъ головой, не выпуская изъ зубовъ носогрѣйки:

— Не паньмай.

Пильфельдъ разсказывалъ на ломаномъ русскомъ языкѣ:

— Я могу гордиться тѣмъ, что первый завелъ лошадей на Мурманѣ, въ **1878** году; впрочемъ, онѣ не замѣнили оленей...

— Я думаю, что и не могли замѣнить ..

— Да, да,—улыбнулся онъ.—Нашъ Мурманъ въ Петербургѣ дикимъ краемъ зовутъ. За что?.. Три года тому назадъ, у меня гостилъ пасторъ; изъ Петербургской губерніи пріѣхалъ,—такъ, я

---

[1]) Покрученникъ—рабочій на промыслахъ.

его послѣ обѣда шампанскимъ угощалъ, а дочь моя играла на фортепьяно. Очень былъ удивленъ пасторъ!

Есть чему! На Мурманѣ, въ становищѣ, фортепьяно и шампанское, притомъ, у простого колониста!.. Въ великорусской мѣщанской семьѣ не всегда необходимое найдешь: нужда изъ всѣхъ угловъ глядитъ, а тутъ на, поди! .. Сѣверъ—сокровищница, и странно, что эту драгоцѣнную сокровищницу мы боимся или не умѣемъ раскрыть, освѣтить со всѣхъ сторонъ и взять въ руки...

Мурманскихъ моряковъ послушать,— сплюнешь. По ихъ разсказамъ, Богъ создалъ вселенную, а дьяволъ— Архангельскую губернію.

— Эна, взгляни-ка, — разсказывалъ матросъ богомолкѣ, ѣдущей въ Печенгскій монастырь,— хороша прелесть? Луды [1]) да пахты [2]), а гдѣ пожни? Какъ поголомянѣе [3]), такъ разсолъ [4]) и все тутъ... Выйди на гору [5]), цто-жъ тамъ розы, цто-ли? Сланка [6]), може, есть, а то ягель [7]) —и баста. Въ тайболѣ [8]) окромь ошкуя [9]) ницего... ну, тупа [10]), а още? Такъ, башь, спроста? Ого, какъ-же!.. Господь-Богъ небо и землю создалъ и сѣлъ отдохнуть... Анъ-сотанъ [11]) откуда,

---

[1]) Мель. [2]) Утесъ. [3]) Дальше отъ берега. [4]) Морская вода. [5]) Берегъ. [6]) Низкій кустарникъ. [7]) Оленій мохъ. [8]) Лѣсъ. [9]) Медвѣдь. [10]) Изба у лопарей. [11]) Сатана.

ни возьмись... Увидалъ Бога, скарежился, страшно стало... Какъ плюнетъ,—пропасти явились...

— Охъ, охъ,—крестилась баба, пугливо смотря на смѣющихся мужиковъ.

— Опружился [12]) сотанъ, да въ воду! Махъ, а потомъ вылѣзаетъ съ пескомъ въ зубахъ. Тьфу! плюнулъ пескомъ во всѣ стороны, —пахты [13]) да толстики тутъ-какъ-тутъ. Сотанъ на толстики, а съ нихъ головой внизъ, перевернулся въ воздухѣ да сталъ на ноги. Гдѣ сталъ, тамъ и тундра. А стамухи [14]) отъ сотанскаго дыханія... Сотанъ провалился скрозь землю, становой пріѣзжаетъ. — Это цто, молъ?—„Сотанска работа". Становой къ исправнику, тотъ въ столицу. Такъ, молъ, и такъ, сотанъ наработалъ... Цто-жъ, тамъ долго не думали. — Сотанъ?—Сотанъ.—Его дѣло? —Его.—Ладно! Назвать его мастерство Архангельской губерніей! И назвали. Вотъ какъ, бабушка!

— Тьфу! — старуха даже вздрогнула, — этакая нечисть, скажи пожалуйста!

Степенный поморъ изъ третьеклассныхъ пассажировъ укоризненно головой покачалъ.

— Парато ты наболталъ...

— А цо-жъ?—тряхнулъ матросъ головой.

— Сотанска работа, ха!.. Ты-бы на Пецору заглянулъ, тамъ богатства непоцатыя. Серебро, говорятъ, водитца, желѣзная руда и процее... Все

---

[12]) Опрокинулся. [13]) Крутой берегъ. [14]) Ледяная гора.



для целовѣка, а только целовѣкъ-то слѣпъ, либо видать не хоцетъ.

— Цто видать-то? Намедни пароходъ пошелъ, такъ доси не проломалъ льдовъ... Люди говорятъ—іюль! А ты богатствомъ тыцешь. Возьми-ка его!..

— И возьмутъ, а цто-жъ! Не возьмутъ, цто-ль?

— Возьмутъ, какъ все равно хлѣба въ Гавриловѣ... [15]). Ха! Въ Архангельскѣ пудъ 75 копѣекъ, а тамъ 2 цѣлковыхъ. Не везешь, а, хлѣба въ Гавриловку?

— Везу. Мѣнокъ на треску. Я хлѣба, а мнѣ трески. Въ становищѣ она по 60 копѣекъ, а въ Архангельскѣ отдай 1 руб. 80 к. за пудъ.

— Нонѣ дорогá.

— Дорогá и есть.

Между тѣмъ, прошли уже Маймаксу и Березовское устье...

— Это что за остановка была?

— Лоцмана сдавали.

Селенья, островки, зелень, — веселая дорога! Зимній берегъ уходитъ назадъ. Кую пройдемъ обогнемъ Зимнія горы,—до Золотицы рукой подать. Пароходъ идетъ плавно. Недалеко и до Поноя... Впрочемъ, что Поной, — показался, вѣдь, Лапландскій берегъ...

— Какъ будто начинаетъ качать!..

---

[15]) Селеніе.

— Съ чего? Морянка, что ли?.. На ярвѣ [16]) безпокойнѣй.

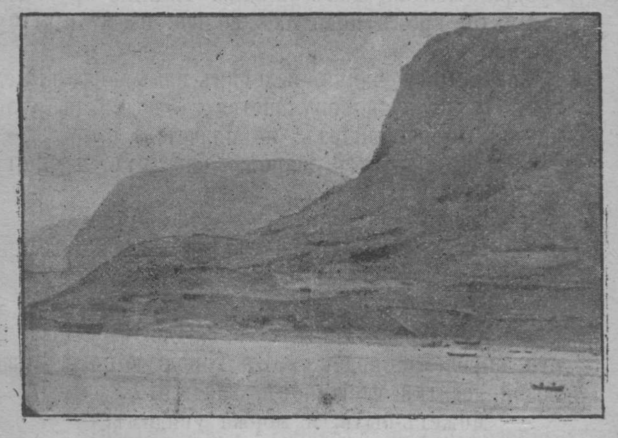
— Нѣтъ, таки покачиваетъ...

— Это отъ столкновенія. Теченія встрѣтились.

— Какія теченія?

— Какія! Да вѣдь подошли къ Бѣлому морю, ну!..

Такъ, вотъ оно—Бѣлое море!..



„Ломоносовъ" рѣжетъ пѣнящіяся волны; море поетъ свою свободную пѣсню. Фіолетовыя облака повисли надъ черными волнами; ихъ очертанія на западѣ принимаютъ самыя причудливыя фор-

---

[16]) Озеро.

мы. Горы небесныя,—они провожаютъ насъ на дальній сѣверъ...

Синяя прозрачная дымка, какъ фата, подернула берегъ съ порослью, громоздящуюся надъ водой. Я не знаю, кто создалъ эти зеленые конусы и куполы, робко смотрящіе на васъ съ горной груди. Вдругъ тундра замѣняетъ поросль, тундра, желтая, какъ лишай... Тишина кругомъ...

Никто, кромѣ поющихъ волнъ, не будитъ пустыни.

Сизокрылая чайка, взлетѣвъ надъ моремъ, медленно и величаво опускается въ воду... рыбу ловитъ... Но не кричитъ, не плачетъ...

Солнце золотымъ шаромъ блеститъ и сіяетъ, не печетъ, а грѣетъ...

— Поной?

— Онъ самый, семги ловецъ... Тутъ и тюленя можно видѣть.

— А кита?

— Киты распуганы. Близъ Святого Носа часто, впрочемъ, видаютъ. Въ хорошую погоду надъ водой десятки фонтановъ, глядишь...

— Можетъ-быть, и моржа увидимъ?

— Нѣтъ, моржъ — тотъ никогда не заходитъ въ Бѣлое море.

На высшихъ точкахъ берега чернѣютъ деревянные кресты. Мурманскій обычай ставить на горахъ кресты. Благочестивая Русь! Впрочемъ, и норвежцы не уступаютъ поморамъ въ набожности. Понятно: всю жизнь на морѣ проводятъ.

— Безъ моря,—говоритъ поморъ,—не узнаешь Бога. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ путемъ Богу не маливался.

Недаромъ норвежцы такъ охотно ѣздятъ въ Печенгскій монастырь, гдѣ усердно молятся, жертвуютъ, ставятъ свѣчи.

Всматриваюсь въ береговыя расщелины: бѣлоебѣлое лежитъ... тюлени?.. Дальше, какъ—будто домики.

— Какое тамъ селеніе?

— Гдѣ?

— А вонъ—въ береговыхъ ущельяхъ?

— Снѣгъ.

Потянулась темная каменная гряда. Плѣшивыя верхушки со смѣлыми извивами. Гранитные обрывы, о которые разбиваются гребни волнъ; растительности не разберешь; бурыя массы камней...

— Это не Святой-ли Носъ?

— Именно онъ.

Увы, китовъ не видать...

Колыхнуло...

— Ничего, здѣсь сувой [1],—всегда качаетъ...

Вода кипитъ, какъ въ котлѣ. Жемчужныя брызги летятъ на палубу. Вѣтеръ засвисталъ въ снастяхъ.

— Заговорили „чортовы веревочки!" Намедни

[1]) Спорное теченіе.

тутъ у Демидова мачту сбило... Морянка подвернулась, что будешь дѣлать!

— Обошли благополучно мель?

— Какъ видишь...

— Ну, то-то... Батюшка „Ломоносовъ“, ухни!.. Шшш... Волна хлестнула въ корму, другая—въ бокъ. „Мурманецъ“ качнулся... ухнулъ...

Черныя волны слились съ изумрудными.

Мы вступили въ Сѣверный океанъ...

V.

Полярный день.

И это Ледовитый океанъ!..

Наша шлюпка скользитъ по изумруднымъ волнамъ. Океанъ дышетъ. Величаво и спокойно вздымается его мощная грудь. Волна набѣгаетъ, ударяется о бортъ лодки и пѣнится, и шумитъ... пріятно шумитъ...

Такъ шумитъ лѣсъ, когда вѣтеръ перебираетъ его листья.

Насъ пятеро въ шлюпкѣ, считая рулевого и двухъ бабъ „на веслахъ“. Смотрю на нихъ: рослыя, мускулистыя, поперекъ толще себя. Физіо-

номіи — завидное полнолуніе, красныя, какъ томатъ. Такой бабѣ силищи не заниматьстать. Руку пожметъ — закряхтишь... Да поморкѣ безъ силы и жить не стоитъ! Океанъ—не свой братъ: расходится—бѣда!



Противъ волны, морской волны — не легко плыть... Разгуляется Сѣверное море — тутъ ужъ готовься къ борьбѣ съ нимъ, да къ какой борьбѣ — за жизнь!.. Паруса рветъ въ клочья, мачты ломаетъ—страсть! Далеко отъ берега уѣдешь — натер-

пишься страху... И коли море осерчало,—тутъ никто, кромѣ Бога, не поможетъ, никакая человѣческая сила...

— Эка, тишь какая!—замѣчаю.

— Вѣтры падаютъ,—отвѣчаетъ рулевой, сутуловатый, но, видно, богатырь-мужикъ. Откинулъ на затылокъ барашковый треухъ, смотритъ умными сѣрыми глазами на громацы скалъ, тѣснящіяся впереди.—Когда вѣтры падаютъ,—добавляетъ онъ, сдвигая брови,—хорошо. Ино дѣло въ розсыпь [1]). Особливо въ голомѣ... [2]) Показалась марь [3])—уходи домой. А то бѣда. Страшна, охъ, страшна черная буря въ окіянѣ!

Онъ еще болѣе сдвинулъ брови и строго-строго посмотрѣлъ на море.

А море что-то шептало... Что?.. Кто пойметъ его...

— Должно быть, приходилось переживать черную бурю?—спросилъ я.

Бабы засмѣялись.

— Да какъ-же безъ бури!.. Ха, ха!..

— Ну, вы... ладно... — строго замѣтилъ имъ мужикъ.—Слышь, въ маѣ то было. Пошли мы съ покойнымъ батькою въ голомю на тюленя... Въ

---

[1]) Бурунъ, буря. [2]) Открытое море. [3]) Мрачность на горизонтѣ.

становищѣ-то тихо было. Залѣзли въ шняку [4]). Батька кормщикомъ, я — наживодчикомъ, Фролъ Саввинъ — за тягельщика, Гришка изъ Вологды — весельщикомъ.. Кожа [5]) хуже сотана; рыбу жретъ, такъ что никакимъ крестомъ не спасешься...

— Ѣдите тюленье мясо?..

— Харовину-то? Ни. Лопари, тѣ любятъ, а поморъ брезгуетъ. Да и къ чему намъ? У насъ треска есть, пикша... Семги, сколько хошь, селедка съ палтусиной... ни на што харовина... Такъ, пошли въ голомю... Кожа стадами шла. По веснѣ въ ины годы ихъ страсть сколько! По разсолу на льдинахъ плывутъ. Дыханіемъ въ льдинѣ сдѣлаетъ себѣ корыто, окружитъ себя дѣтенками и плыветъ по окіяну, за ней другая, тамъ третья. . И, Боже ты мой! Цѣлое юрово... [6]) Кожа на кожѣ.. Покось [7]) среди сихъ бродягъ... трудно!..

— А весело, — вставила баба.

— Весело, когда его, тюленя-то, палкой по башкѣ саданешь разъ да два, и его куражить зачнетъ... Куражитъ, куражитъ, а потомъ и бери... А покосить между льдинъ — веселье не вѣсть како!.. Такъ, пошли мы въ голомю. Тихо. Хоть-бы марь, а то ништо.. Да. Увидали-бъ марь, отъ

[4]) Промысловая лодка. [5]) Тюлень. [6]) Стадо морскихъ звѣрей. [7]) Лавируй.

бети [8]) уберeглись-бы, а то неожиданно... Изъ становища вышли, капустой позаправились, норвецкаго пойла [9]) глонули... Ночь, темно, а ни по чемъ. Отъ берега на 10 верстъ ушли. Выкинули ярусъ [10]). Видалъ, баринъ ярусъ? Веревка—верстъ на семь тянется, а къ ней причѣпляются аростеги—веревочки, башь, съ крючками. Крючковъ много и веревочекъ много: цѣлыя тыщи... На кажномъ крючкѣ наживка, ну, рыбна мелкота, что-ли... Бросили въ море кубасъ [11]), още, още, пока весь ярусъ не выкинули... Распластался онъ въ окіянѣ... Мы ждемъ... Къ кошкѣ [12]) притянули веревку, другимъ концомъ ея у шняки носъ прихватили,.. Ладно. Жди гостя.,.. И вдругъ беть... черная, черная! Налетѣла.. Тороками [13]) ударилась въ шняку, — э-э, дѣло не ладно. Морянка встряхнулся. Зайцы по волнѣ пошли... Ряхаться неча: ярусъ собрали... Шквалъ. Гора скрылась изъ очей, да въ таку пору ближе къ горѣ страшоннѣй: волна подхватитъ, шняку о камни грохнетъ — въ щепочки изломаетъ... Одна надежда—Богъ. А буря зачинала плакать. Тучи, охъ, да и черныя сбѣжались и повисли надъ окіяномъ. Взводень [14]) поднялся... Валъ всходился. Чайка стонетъ—не къ добру. Вздулось море, эхъ, да какъ фыркнетъ бѣлой пѣной!.. Словно вотъ кто схватилъ воды

---

[8]) Буря. [9]) Ромъ. [10]) Веревка. [11]) Поплавокъ надъ ярусомъ. [12]) Береговой кубасъ [13]) Порывы вѣтра. [14]) Волненіе.

въ пригоршню, да кинулъ ею въ насъ. Пропали мы въ разсолѣ. Я взвылъ. Батька нахмурился. «Эхъ, молъ, поморъ-горе!» Ина волна подхватила, подбросила на другу, та разступилась, мы вновь ухнули въ бездну. А взводень кипитъ, а морянка воетъ надъ нами. Бросались нами волны, какъ шкорлупкою. Полчаса, а то и больше, мы съ моремъ боролись. Небось — не проглотило!.. Попужало только.

— Чѣмъ-же кончилось?

— Вѣтры пали. Небо просвѣтилось. Взводень улегся.

— Тюленя, конечно, не привезли въ становище?

— Какъ не привезли? Пару вотъ какихъ... сала много.

Мужикъ помолчавъ, добавилъ:

— Таки бети у насъ часто. На то и Мурманъ, на то и окіянъ. Въ Архангельскѣ на Двинѣ — тамъ тихо. Мертво.

Мы подплывали къ берегу. Вырисовывались извивы и морщины горъ. Каменистый берегъ — ни красы, ни радости. Камни, словно горбы, одинъ больше, другой меньше; въ промежуткахъ алѣетъ гордость сѣвера—морошка.. На горныхъ лощинахъ бѣлѣетъ ягель, по выступамъ ползетъ цѣпляясь вѣтвями за острія камней, карявая березка. Не богатъ красками ландшафтъ, суровъ, хмуръ, но въ этой суровости кроется что-то величественное, мощное, побѣдное.

Волна дробится объ утесъ, фейерверкъ янтарныхъ брызгъ летитъ на крутизны и разсыпается брилліантовымъ пескомъ. Камень лѣзетъ на камень, гранитная громада давитъ горную грудь съ зелеными заплатками, на которыхъ тутъ и тамъ, словно бородавки, темнѣютъ ягоды голубики. Съ вершины берега посмотрѣть внизъ, такъ голова кружится... Море медленно и спокойно дышитъ. Выставивъ впередъ свои упругія, темныя, какъ грозовая туча, груди, горы слушаютъ его пѣсню безъ страха!..

Море грозится, море шумитъ, море расходилось... Но горы такъ-же спокойно слушаютъ его безумный ропотъ...

Имъ-ли, царящимъ надо всѣмъ, бояться гульливой волны. Волна страшна только для человѣка, вообразившаго себя царемъ природы...

Береговая волна отбрасываетъ нашу шлюпку. Бабы въ потѣ лица сопротивляются волнѣ...

— Ни, братъ, причалимъ, — усмѣхается одна изъ нихъ. Голосъ низкій, грудной, скотининскій...

— Цего-то Аксинь теперецька? — произноситъ другая, все время молчавшая.

— А цего тако?

— Управилась-ли?..

— А цомъ ни?

— Впервой ей небось...

— Урядникомъ—отъ? Привыкнетъ...

— Ништо,—заключилъ мужикъ.

Аксинья—урядникъ—на сѣверѣ это дѣло самое обыкновенное. На Мурманѣ живутъ рыбнымъ промысломъ исключительно; отъ Святого Носа до норвежской границы, иначе говоря—на протяженіи 385 верстъ,—сѣять негдѣ. Хотя зимніе морозы здѣсь не превышаютъ 10—15 градусовъ по Реомюру (средняя температура зимы—6 градусовъ),—тѣмъ не менѣе весна начинается только съ конца марта и продолжается до конца мая. Сѣверная весна—туманная и дождливая; средняя ея температура+2,5 градуса; листъ на деревьяхъ появляется во второй половинѣ мая. До августа тянется лѣто. Солнце—круглыя сутки. Днемъ ярче, ночью краснѣе; но когда оно создаетъ зрѣлище болѣе великолѣпное—вопросъ. Лѣтомъ средняя температура+8,5 градуса. Ягоды раньше конца іюля не поспѣваютъ: морошка, голубика, черника, клюква, водяница. Не обходится дѣло и безъ грибовъ. Съ августа осень,—листъ опадаетъ, наступаетъ царство тьмы. Въ сентябрѣ снѣгъ. Съ 13-го ноября по 9-е января непрерывная ночь. Ни солнца, ни, вообще, свѣта. При такихъ условіяхъ о хлѣбопашествѣ нечего и думать; поэтому, сѣверянинъ кормится исключительно рыболовствомъ.

— Бывало разбойнымъ дѣломъ промышляли, да теперца парато строго стало,—вздыхаютъ поморы.

— Какое-же это разбойное дѣло?

— А ловъ-отъ морского звѣрья. Киты, моржи, тюлени,—всѣхъ ихъ лавливали; теперецка—шабашъ.

Вотъ наступаетъ весна.

Сѣверное лѣто—
Каррикатура южныхъ зимъ...

Весна—и подавно!.. Поморъ въ окно поглядываетъ: не сидится уже дома ему... „Жонка“ печетъ пироги, шаньги [1]). Появились на сцену бахилы [2]), варежки... Мальчишка, по-мѣстному—зуекъ, уже мечтаетъ, какъ онъ будетъ въ стану кашу варить и „норвецкое пойло“ съ большими потягивать...

Показался морской воронъ надъ океаномъ, прилетѣлъ солдатъ—птичій судья... Поморъ пошелъ на промыслы.

„Солдатъ“—родъ чайки; птица серьезная. Помилуй Богъ, птицы перессорятся. Услышалъ солдатъ крики—тутъ какъ тутъ! Прилетѣлъ, долбнулъ каждую крикунью или крикуна въ голову и былъ таковъ. Исполнилъ свой долгъ,—чего-же еще!

Поморъ не любитъ лежать на боку. Съ наступленіемъ весны промышлять уходятъ всѣ, кромѣ старыхъ, да совсѣмъ ужъ малыхъ. Случается—и старики уходятъ. Дома остаются бабы, которыя не только исполняютъ всѣ хозяйскія работы, но и несутъ общественныя должности, какія можно.

---

1) Ватрушки; 2) Сапоги изъ тюленей кожи.

А. П. Энгельгардтъ, нынѣшній саратовскій губернаторъ, разсказываетъ слѣдующій любопытный фактъ.

Мѣсто дѣйствія—Печорскій край.

Идетъ по дорогѣ мужикъ, а за нимъ съ бляхой на груди—тщедушная бабенка.

Мужикъ здоровенный. Мѣсто глухое.

— Кто? Куда и зачѣмъ?

Оказалось, что баба—десятскій, а мужикъ—арестантъ, препровождаемый въ мезеньскую тюрьму. Баба должна сдать его ближайшему полицейскому десятскому, до котораго идти всего-на-все 250 верстъ. И бабѣ горя мало!

Узнавъ губернатора, попавшагося имъ навстрѣчу, она стала просить освободить ее отъ дальнѣйшаго путешествія. Чего тутъ, арестантъ, молъ, и самъ дорогу найдетъ!.. Она ему и пакетъ ужъ отдавала, да арестантъ не беретъ, говоря, что арестанта долженъ сопровождать десятскій.

„Я распечаталъ конвертъ,—разсказываетъ уважаемый авторъ *Русскаго Сѣвера*,—арестантъ оказался не изъ важныхъ. Поэтому, я отпустилъ бабу-десятскаго и, передавъ арестанту бумагу, сказалъ ему, чтобы онъ отправлялся въ Мезень одинъ и явился въ полицейское управленіе, да по дорогѣ не засиживался-бы, а спѣшилъ въ Мезень, не то придется дольше сидѣть. — „Слушаю-съ, отвѣчалъ арестантъ, - безпремѣнно буду поспѣшать, самому не разсчетъ мѣшкать. Благо-

дарю покорно, а то съ бабами да съ провожатыми все задержка“. Впослѣдствіи я справлялся, пришелъ-ли арестантъ своевременно въ Мезень. Оказалось, что по дорогѣ онъ уже нигдѣ не требовалъ десятскихъ для сопровожденія, а явился прямо въ полицейское управленіе и подалъ пакетъ.—„А гдѣ-же арестантъ?“—спросили у него. —„Я самый и есть“.

Вотъ и берегъ...

Шлюпка врѣзалась въ песокъ. Селеніе. Нѣсколько деревянныхъ домишекъ лѣпятся по скатамъ берега, два-три очутились на склонахъ горы. На берегу деревянный восьмиконечный крестъ и четыре рыбныхъ склада,—тоже деревянныя квадратныя зданія на сваяхъ. Треской пахнетъ на славу. Китайцы, которые, какъ извѣстно, большіе любители всего тухлаго и, какъ говорятъ французы, fétide, пришли-бы въ восторгъ, но я поторопился «для прогулокъ подальше выбрать закоулокъ».

— Зайдите къ намъ, чайку попьемъ, — звалъ мужикъ.

— На обратномъ пути,—отвѣчалъ я ему,—а теперь поднимусь на гору...

Только на близкомъ разстояніи замѣчаешь жизнь на горахъ. Низкорослый кустарникъ, зяблая береза, искривленная, подобно яблонѣ, оленій мохъ—вотъ и все. Но развѣ это не жизнь? Березка тянется къ березкѣ; перевиваются, ласкаются, шепчутся шелестомъ листьевъ. Нога тонетъ во мху,

точно на перину ступаешь. Кое-гдѣ лежатъ синеватыя ягодки черники... Хоть-бы одна пичужка: мертвая тишина. Толкутся комары—и только...

Выше, выше. Прохладнѣе... Березовая роща раскрываетъ все шире свои объятья. Здѣсь нѣтъ тѣни. Зеленая сѣнь не заслоняетъ солнца. Оно бросаетъ золотистые лучи на тонкіе, изломанные, какъ зигзагъ молніи, стволы и свѣтлыми бликами



падаетъ на мшистые чепцы, надѣтые природой на сѣроватые камни... Камни... камни... Откуда ихъ такая масса? Чья рука набросала ихъ тутъ? На кочкахъ стыдливая брусника... Иванъ-чай горделиво посматриваетъ на нее.

Чу! лепетъ... Рѣчка, откуда-то вырвавшись, торопится къ океану въ объятія, прыгая съ камня на камень. Чистая, кристальная вода... Клубится,

сбивается въ бѣлую, какъ лилія, пѣну... то ширится, то суживается... Вотъ она ринулась внизъ, разлетѣлась миріадами брызгъ и... и трепетно скользитъ по камнямъ...

Однако, какъ свѣтло! 8 часовъ вечера, а, право, точно полдень... Какъ хорошо!..

Что-же въ Норвегіи? О, тамъ Лофодденъ—дивная панорама сѣвера!

Не ищите здѣсь звѣздъ: онѣ остались для Даніи. Эти радужныя лампады не свѣтятъ надъ полярной Норвегіей. Зачѣмъ ей звѣзды, ей, надъ которой—незаходящее солнце?

Вы помните разсказъ объ Отерѣ? Англійскій король Альфредъ послалъ его на сѣверъ, туда, гдѣ живутъ блаженные гипербореи, питающіеся сокомъ роскошныхъ цвѣтовъ. Гипербореи не знаютъ ни горя, ни радостей... Они живутъ, пока не надоѣстъ. Тогда со скалъ бросаются въ море.

Отеръ посѣтилъ дальній сѣверъ. Грѣшный—онъ не видѣлъ блаженнаго народа, зато онъ видѣлъ дивный край.

— Мы плыли день за днемъ, — разсказывалъ Отеръ королю,—теряя время, но не теряя берега. Берегъ провожалъ насъ въ таинственный край. И съ каждымъ днемъ сумерки таяли. Качаясь на морскихъ волнахъ, мы мало-по-малу окунались въ сіяніе непрерывнаго дня...

— Вамъ не свѣтили звѣзды? — спросилъ король.

— Ваше величество, мы видѣли миріады морскихъ звѣздъ,—отвѣчалъ Отеръ.

Король записывалъ его слова.

— Мы плыли,—продолжалъ Отеръ,—разсѣивая бѣлый, какъ молоко, туманъ...

Король возразилъ:

— Бѣлый туманъ надъ застывшимъ ледянымъ моремъ? Возможно-ли?

— Ваше величество, море бурлило. Оно не застываетъ.

Король записалъ.

— И васъ не страшило оно?

— Но, ваше величество, намъ было не до того: въ теченіе двухъ дней мы убили 50 тюленей.

— Не можетъ быть!—вскричалъ король.—Это невозможно!

— Ваше величество...

— Нѣтъ, Отеръ, нѣтъ! Невозможно!

Отеръ пересталъ разсказывать... Но онъ былъ правъ: онъ видѣлъ Лофодденъ, котораго не видѣлъ король... О, эта громада, этотъ скалистый архипелагъ!..

Представьте себѣ горную цѣпь, горныхъ титановъ, разъединенныхъ отъ вѣчныхъ объятій долинами. Долины не цвѣтутъ, нѣтъ! Онѣ утонули въ синеватой безднѣ. Эта бездна—извивъ океана, капризнаго, ищущаго новыхъ путей. Ему тѣсно въ безконечности!..

Скалы вздуваются прямо надъ бездной, карабкаются одна на другую, синѣютъ, желтѣютъ,

розовѣютъ. И борозды, глубокія, широкія, затканныя мхомъ или прикрытыя снѣгомъ, изрѣзали ихъ по всѣмъ направленіямъ...

Любуешься на эти прихотливыя до крайности очертанія каменистыхъ титановъ и, кажется, что они спятъ, но вотъ-вотъ проснутся и потянутся къ святой безднѣ — небу, откуда льется море свѣта... Вѣдь ночь,—откуда-же этотъ свѣтъ? То солнце полуночи. Оно кидаетъ снопы багровыхъ лучей, которые, пронизывая короны, вѣнчающія горы, змѣйками скользятъ по синеватому лону долинъ и алымъ пологомъ падаютъ на рифы и фіорды. Алое пламя перекидывается съ короны на корону и вдругъ охватываетъ островъ Гестмандъ, этого зачарованнаго рыцаря; оно дробится милліонами разноцвѣтныхъ огоньковъ на глетчерахъ Свартизена и, словно бухарскій поясъ, падаетъ на мысъ Куненъ... Вы видите живые фонтаны: рѣзвятся киты, вы видите живую карусель, — кувыркающихся дельфиновъ. Это Лофоддены.

Это восхитительное зрѣлище! Оно очаровываетъ, оно давитъ своимъ величіемъ. Ничто, ничто не въ силахъ поколебать очарованья, даже присутствіе англійскихъ туристовъ...

Если вы ѣдете на Мурманъ, вы должны совершить поѣздку и къ Лофодденамъ...

Лофоддены—гордость Нордкапа. Нордкапъ—крещенье сѣвернаго моряка, подобно тому какъ экваторъ южнаго.

— Мурманъ,—это что!—говорятъ поморы,—у Нордкапа качаетъ, такъ качаетъ!

— Всегда?

— Не всегда, но почти всегда. Ванька нордкапскій не любитъ насъ. Ванька,—это злой духъ сѣвера.

— Отчего-же онъ не благоволитъ къ вамъ?

— Оттого, что поморка обошла его, сотана... Разбила нѣкогда буря шняку. Бурю Ванька наслалъ. Всѣ утонули, кромѣ бабы. Та спаслась. Не иначе, что высмотрѣлъ сотанъ красавицу, полюбилъ ее. Знать, и духу скучно безъ бабьихъ ласкъ... Полюбилъ Ванька поморку, взялъ ее къ себѣ. Нѣжитъ, ласкаетъ, жемчугами осыпаетъ, всѣми сокровищами моря... Долго-ли, коротко-ли прожила съ нимъ красавица, только родился у нихъ сынъ. Родился сынъ, и вдругъ затосковала баба... Съ чего, Богъ ее знаетъ. Тоскуетъ, рвется въ посадъ; Ванька не пускаетъ... Долго поморка мучилась, наконецъ, удалось-таки ей отъ Ваньки убѣжать. Разъ ушелъ онъ бѣдовать, она и убѣжала. Ихъ посадскіе съ промысла возвращались домой, такъ она къ нимъ. И сына не взяла,—сотанско отродье... Приходитъ Ванька домой, а красавицы-то и нѣтъ. Искать-поискать, увидалъ, наконецъ: плыветъ его красавица въ шнякѣ. Разозлился Ванька, схватилъ ребенка и, разорвавъ на-двое, кинулъ его въ шняку. Кровь залила дно: не миновать шнякѣ гибели. Закружилась она посреди моря.

— Погибать намъ всѣмъ! — молвятъ поморы.

— Погибли-бы, — сказала поморка, — коли-бъ не смогли выскоблить дна.

Схватила ножъ и быстро выскоблила кровь. Затѣмъ—воздвигли крестъ и поплыли съ Богомъ дальше. До посада добрались благополучно, но Ванька нордкапскій съ тѣхъ самыхъ поръ заклятый врагъ поморовъ-рыбопромышленниковъ.

Однако, близко къ полночи, а свѣтло, точно днемъ: таковы ужъ полярныя сутки...

VI.

Александровскъ.

— О, наконецъ, мы увидимъ этотъ таинственный городъ!

— А любопытно взглянуть на этотъ самый Александровскъ!..

— Помню-съ я, какъ его открывали. Много тогда толковъ было!

— Господинъ капитанъ, у пристани остановимся, или нѣтъ?

Перекрестный дождь восклицаній и вопросовъ; «Ломоносовъ» подходитъ къ «будущему административному центру Мурмана». На палубѣ движеніе, суета. Каюты опустѣли: всѣмъ хочется взглянуть на давножданный городъ. Кажется, ему

навязываютъ роль, которая нѣкогда досталась Петербургу за счетъ Москвы.



Пушкинъ сказалъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова...

Другой вопросъ: сыграетъ-ли Александровскъ эту роль?

Кола оставлена за штатомъ и не оттого-ли она такъ зло подсмѣивается надъ Александровскомъ, отнявшимъ у нея все?

— Скажите-ка, что это за Александровскъ?— обращаетесь вы къ кольскому гражданину.

— Сами увидаете, — отвѣчаетъ съ усмѣшкой Байрона.—Пріѣдете и увидаете.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, скажите.

Кольскій житель дѣлаетъ серьезное лицо и опредѣляетъ торжественно, но спокойно:

— Александровскъ,—это, можно сказать, дыра въ небо. Вотъ что такое Александровскъ.

Пожимайте, если угодно, плечами, таращите глаза,—все равно большаго не услышите. Александровскъ такъ дырою въ небо и остается. Однако, основанъ-же онъ для чего-нибудь? Существуетъ-же онъ съ какой-либо опредѣленной цѣлью?

На Мурманѣ всѣ пожимаютъ плечами, разъ рѣчь заходитъ о смыслѣ существованія „будущаго административнаго центра“.

Остается ждать, когда придемъ къ нему. Самому удостовѣриться лучше всего.

И вотъ „Ломоносовъ“, покидая изумрудное лоно Кольскаго залива, входитъ въ Екатерининск. гавань.

Съ трехъ сторонъ на насъ надвигаются скалы. Онѣ, тѣснятся. Онѣ, чудится, хотятъ сомкнуться, слиться въ одну гранитную массу. И уходятъ въ блѣдную синеву небеснаго купола.

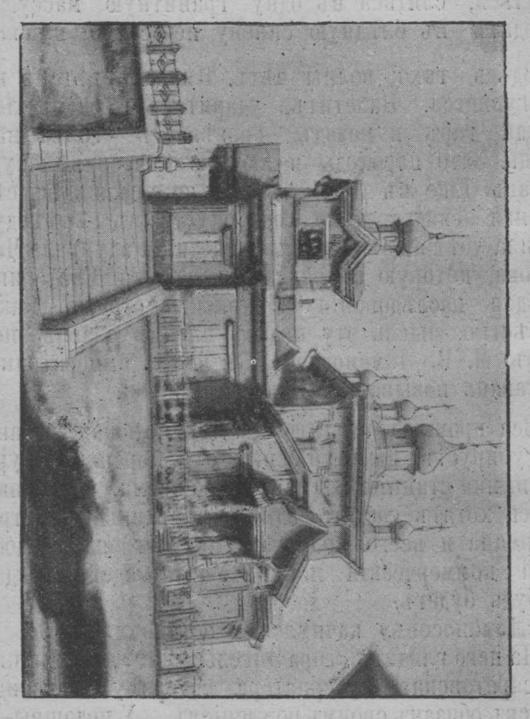
Здѣсь тихо; волны нѣтъ. Никакой вѣтеръ не разгуляется. Налетитъ, ударится о скалистыя груди горъ и назадъ. Развѣваетъ его горная мощь. Зато пароходы и любятъ Екатерининскую гавань. Еще въ 1740-мъ году зимовала здѣсь сѣверная эскадра, а 24 года спустя (въ 1764 году) нашла убѣжище морская экспедиція адмирала Чичагова, которую снарядила государыня Екатерина II для изслѣдованія полярныхъ странъ. Какъ извѣстно, мысль эту подалъ царицѣ славный поморъ, М. В. Ломоносовъ. Въ честь императрицы и гавань называется Екатерининской.

Все прошлое столѣтіе Екатерининская гавань фигурируетъ, какъ убѣжище отъ морскихъ бурь и зимняя станція. Въ настоящее время, повторяю, здѣсь хотятъ создать административный центръ Мурмана и всего Кольскаго полуострова и удобный коммерческій портъ. Улита ѣдетъ, когда-нибудь будетъ.

«Ломоносовъ» качнулся и остановился.

На него глядитъ «гора Энгельгардта», нынѣшняго саратовскаго губернатора, которому Александровскъ обязанъ своимъ рожденіемъ... У подошвы— набережная, бѣжитъ направо къ пристани, гдѣ стоятъ два деревянныхъ дома съ магазинами вро-

дѣ московскаго „Мюръ и Мерилизъ“. Чего хочешь, того и просишь!



Дорога бѣжитъ въ гору. На горѣ соборъ въ русскомъ стилѣ. Онъ царитъ надъ городомъ, котораго, впрочемъ, съ парохода не видно.

Сажусь въ шлюпку и плыву къ пристани. Толкутся на ней человѣка четыре, ждутъ товара, привезеннаго изъ Архангельска.

— Это и есть Александровскъ?

Гребцы начинаютъ смѣяться

— А вы думали? Ха-аррошій городъ! Петербургъ—нумеръ второй: тоже на болотѣ строенъ.

Набережная змѣится отъ „горы Энгельгардта"; по ней прошла шоссейная и желѣзная дороги системы Дековиля. Площадь. Вокругъ собора, въ которомъ есть работы Васнецова и Коровина, сгруппировались обычныя городскія учрежденія: училище, казначейство, сберегательная касса, больница, полицейское управленіе и почтово-телеграфная контора.

— Конечно, и тюрьма есть?

Тюрьма чуть-ли не на замкѣ. Она немножко запоздала, иначе въ нее-бы можно было помѣстить женоубійцу, о которомъ разсказываетъ Гюи де-Мопасанъ и который причинилъ не мало непріятностей правительству Монако.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ пустовать тюрьмѣ? Между тѣмъ, онѣ съ больницей пустуютъ.

Благодатный городъ! Ни преступниковъ, ни больныхъ.

Я поворачиваю направо. Стоитъ рядъ домовъ, съ камерой мирового судьи въ центрѣ. Дома одноэтажные, деревянные, разныхъ цвѣтовъ. Говорятъ, раньше всѣ дома были сѣры, и поэтому

александровцы путали ихъ и частенько попадали въ чужой—вмѣсто своего. Мудренаго мало, такъ какъ въ городѣ 32 дома, а фонарей всего три-четыре и свѣтятъ они тускло.

Когда открывали городъ, свѣтило электричество. Думали, что и впредь оно останется, но станцію, подъ горою, залило водою и съ тѣхъ поръ, а прошло пять лѣтъ, она бездѣйствуетъ.

Для ознакомленія съ Александровскомъ достаточно часа. Городъ оканчивается казенной винной лавкой.

— Для просвѣщенія лопарей!—поясняютъ поморы-рыбопромышленники.

Если прибавить ко всему этому трактиръ и бани,—всѣ городскія зданія будутъ на-лицо.

Духъ времени сказался и на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ жаждетъ эстетическихъ наслажденій. Трактиръ завелъ граммофонъ.

— Вы зайдите, послушайте граммофонъ!—говорили мнѣ на пароходѣ.

— Богъ съ вами! Отъ граммофоновъ въ столицахъ житья нѣтъ. „На весь кварталъ симфонію заводитъ".

— Александровскій не раздражитъ, а усладитъ, повѣрьте! „Взбранной воеводѣ" исполняетъ...

Дѣйствительно, граммофонъ исполняетъ „Взбранной воеводѣ".

— Любимая пьеска-съ у публики!—сказалъ мнѣ буфетчикъ.

И подъ эту-то „любимую пьеску“ напиваются добрые люди.

— Кто у васъ голова? — спрашиваю на пристани у какого-то «джентльмена» съ сизымъ носомъ.

— Тресковая.

Городского головы въ Александровскѣ нѣтъ. Точно также нѣтъ извозчиковъ.

Нашъ „Ломоносовъ“ стоялъ въ гавани два съ половиной часа. Изъ Александровска онъ ходитъ въ Колу, а потомъ возвращается въ Александровскъ. И стоитъ опять болѣе часа. Трехъ съ половиной часовъ совершенно достаточно для ближайшаго и вмѣстѣ всесторонняго ознакомленія съ житьемъ-бытьемъ александровцевъ.

Городъ — исключительно чиновничій. Изъ 32-хъ домовъ 28 заняты служащими въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Ѣхали сюда чаявшіе „славы и добра“, такъ какъ ихъ сопровождали разнаго рода льготы и служебныя преимущества. Сулили городъ сказочный, который-де будетъ расти не по днямъ, а по часамъ... Торопитесь, молъ, господа, въ рай!..

И нашлись любители „рая“... Пріѣхали...

— Такъ это городъ-то?! Отчего-жъ онъ не растетъ по часамъ?

А кто раньше пріѣхалъ — посмѣивается.

— Какъ-же ему расти? На проѣзжей дорогѣ растетъ трава? Нѣтъ? Ну, то-то!

— Позвольте, тѣмъ не менѣе... Вѣдь это незамерзающій портъ. Цѣнность!

— Незамерзающій? Погодите, вмѣстѣ будемъ на конькахъ кататься.

— Покойный портъ...

— Очень-съ! Съ двухъ якорей рветъ...

— Просторный,—говорятъ...

— Еще-бы! Двумъ пароходамъ не разойтись.

Розовыя мечты разлетѣлись дымомъ. Уныніе нападаетъ на чиновника.

— А скажите пожалуйста,—робко, чуть не со слезами уже спрашиваетъ онъ у „обнатурившагося“ сослуживца:—прѣсная вода есть?

— Достаемъ, какъ-же, какъ-же! Изъ снѣга вытапливаемъ.

— Можетъ быть, зато молока вдосталь?

— Батюшка, о. Василій, не можетъ обойтись безъ молока: дѣти у него маленькія, такъ онъ изъ Печенгскаго монастыря чаще всего привозитъ.

— Далеко отсюда?

— 12 часовъ, если на пароходѣ...

Грустный взоръ вновь прибывшаго окидываетъ горы. Онѣ гладки, какъ спина оленя.

— А кругомъ ни деревца, ни ягодки,—вздыхаетъ онъ.—Неужели даже березки, ну, хотя-бы ползучей, нѣтъ?

— Ишь, чего захотѣли,—смѣется обнатурившійся.—Здѣсь только разъ зеленѣли березы, когда открывали городъ. Снѣгъ лежалъ скатертью, а

въ немъ березки зеленыя, кудрявыя. Кто-то, говорятъ, обратилъ на это вниманіе одного изъ почтенныхъ гостей: „Изволите видѣть, ваше-ство, березки-съ!..“ А ихъ-ство посмотрѣли на этого *кого-то*, да и отвѣтили:

— Какъ-же, вижу. Прямо на снѣгу. По-балетному!

Какъ бы-то ни было, разъ пріѣхалъ, да еще подъемныя получилъ, надо оставаться. Чиновникамъ полагаются даровыя квартиры. Отапливать ихъ приходится на свой счетъ; а такъ какъ дрова очень дороги, то о теплѣ въ жилищахъ не можетъ быть рѣчи.

— У насъ такъ бываетъ,—расказывалъ мѣстный житель:—въ кухнѣ 4°, а въ залѣ 2° выше нуля.

— Какъ-же вы существуете?

— Мы сами себѣ удивляемся.

Жизнь тянется, конечно, тоскливой сѣрой полосой. Однообразіе гнететъ.

— Представляю себѣ, какъ вы проводите долгую сѣверную зиму. Умереть можно съ тоски.

Собесѣдникъ мой тряхнулъ головой. Оживился вдругъ.

— А сказать вамъ, что мы придумали!—произнесъ онъ какъ-то особенно торжественно.

— Скажите.

— Любительскіе спектакли. Отличное развлеченіе!.. Прошлой зимой подвизались во всю. По-

мѣщеніе удобное подыскали... Восторгъ! Прелесть!

— Гдѣ-же именно вы подвизались?

— Въ банѣ.

Я разинулъ ротъ.

— Ха, ха, ха!—александровскій житель захохоталъ отъ души. Для васъ это диво, а мы, знаете, приспособились. Кто на что, а голь на выдумки. Видѣли одно-этажное деревянное зданіе противъ камеры мирового судьи? Ну, такъ это баня. И въ этой самой банѣ мы лицедѣйствовали!

Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать подробностей, но самый фактъ устройства спектаклей въ банѣ заставляетъ невольно вспомнить слова Гамлета: «есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо, что и во снѣ не снилось нашимъ мудрецамъ».

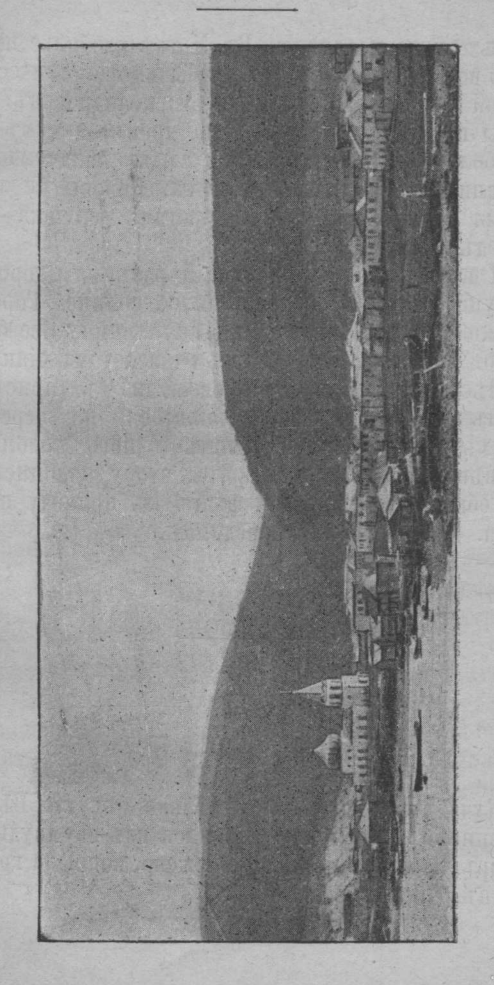
Курьезный городъ, курьезные люди!

Я возвращался на пароходъ въ той-же самой шлюпкѣ. Со мною плылъ старый поморъ.

— Какъ вамъ понравился нашъ Александровскъ?—осторожно усмѣхаясь, обратился онъ ко мнѣ

— Прекурьезный городъ.

— Да-а... Ни на што не нужный. Ужъ если было создавать городъ, то чего лучше Мотка... Тутъ недалечко. Пароходъ, выйдя отседа, идетъ къ острову Сальному, гдѣ тюленей много... Мотку ежели хотите увидать, на „Преподобный Три·



фонъ“ надо пересѣсть. Въ Моткѣ изобилье прѣсной воды—цѣльно озеро. Рыбы много количество, какой сѣнокосъ! А што въ Александровскѣ? Ни воды прѣсной, ни сѣна, ни дровъ, и самъ-отъ на болотѣ. Промышленника сюды калачемъ не заманишь: рыбы то, вѣдь, нѣтъ. Коровы не заведешь: кормить нечѣмъ. Дорогая игрушка—сей городъ!...

Я взглянулъ въ послѣднiй разъ на „дорогую игрушку“, надъ которой сiяло солнце. Городъ, казалось, спалъ подъ теплыми лучами. Все было тихо. Дома и горы купались въ золотомъ сiянiи...

Нѣсколько человѣкъ провожали съ пристани нашъ пароходъ, уже качавшiйся на серебристыхъ волнахъ. Надъ домомъ одного колониста развѣвался флагъ. Говорятъ, что у колонистовъ въ обычаѣ вывѣшивать флагъ къ приходу парохода. Для нихъ это праздникъ.

— Куда теперь?

— Въ Колу.

II.

До Колы.

Куда дѣвалось солнце? Облака бѣгутъ. Вѣтеръ крѣпнетъ. «Морянка» поднялся изъ изумрудныхъ нѣдръ. Пѣна, точно бѣлое кружево, покрыла гребни волнъ. Океанъ вспухаетъ.

Волны вздуваются и растутъ, и ширятся, и плачутъ, разбиваясь о «Ломоносовъ»...

— Капитанъ, будетъ качка?

— Какая качка! Что вы!

Онъ усмѣхается. Но въ этой усмѣшкѣ можно прочесть все, кромѣ утѣшенія.

— Тихо,—выдержавъ паузу, продолжаетъ «морской волкъ».—«Зайцы» побѣжали, да это пустяки... До Колы весь переѣздъ-отъ три часа: не успѣетъ раскачать.

А волны расходились. Качка начинается,—боковая качка. «Ломоносовъ» переваливается съ боку на бокъ. Волны шумятъ и грозятъ. Почернѣлъ океанъ. Берегъ все удаляется: ближе къ берегу хуже. На просторѣ опасность менѣе чувствительна. У берега рифы, на немъ—скалы, эти злѣйшіе враги пароходовъ...

Громады скалъ, насѣвшихъ на берегъ, все больше окутываются какой-то сѣрою дымкой, и эта дымка разстилается надо всѣмъ океанскимъ лономъ и заволакиваетъ и безъ того смутную даль.

Вѣтеръ пронесся по снастямъ... Корма пригнулась, носъ со скрипомъ поднялся надъ водой; «Ломоносовъ» опять перевалился съ боку на бокъ и опять погрузилъ въ воду носъ. Приподнялась корма со стономъ, завертѣлся скрипящій винтъ.

Скрипъ парохода смѣшался со стономъ океана; одновременно съ боковой началась и килевая качка.

Въ каютахъ все зашевелилось. Не въ мѣру игривая волна бросилась къ носу и, разбившись, брызнула въ открытые иллюминаторы.

— Закройте иллюминаторы!—раздалась команда.

Пока закрывали, вѣтеръ ворвался черезъ одинъ изъ нихъ въ каюту второго класса, и табуреты полетѣли, который куда.

Господинъ неопредѣленнаго типа, въ гороховой разлетайкѣ, только-было приступилъ къ бифштексу, какъ пароходъ качнулся, и все, что было на столѣ, въ мигъ очутилось на полу.

Изъ дамскаго отдѣленія раздались стонъ и плачъ. Стонала мать, плакалъ ребенокъ. Морская болѣзнь овладѣвала большинствомъ. Восклицанія, оханье, стоны—все слилось вмѣстѣ. Только подвыпившій землемѣръ спокойно лежалъ на верхней койкѣ и дикимъ голосомъ распѣвалъ подърядъ всѣ ектеніи.

Подъ шумъ морскихъ валовъ гремѣло: «О пособити и покорити подъ нозѣ ихъ всякаго врага и супостата“...

Или: „О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ“...

— Господи! — вопила дама откуда-то изъ угла.—Да перестаньте хоть вы-то тоску наводить... Отъ вашего рычанія только больше мутитъ... Господи! И чего только команда смотритъ!...

Въ отвѣтъ дикій голосъ ревѣлъ:

„Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны“...

— Господи, какой озорникъ! Онъ на зло о христіанской кончинѣ... Ахъ!... а-ахъ!... Силъ нѣтъ!..

— Послушайте,—вступился за даму господинъ въ гороховой разлетайкѣ,—перестаньте дьячить!.. Васъ дама проситъ!

— Не могу,—басилъ землемѣръ.—Я сейчасъ въ священномъ экстазѣ. Иначе придираться ко всѣмъ буду... „Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ“...

Въ первомъ классѣ единственный нѣмецъ лежалъ пластомъ.

— Выйдите вы на палубу! — уговаривалъ его старшій штурманъ.—Тамъ легче переносится качка. Сядьте на серединѣ и только не смотрите на волны.

— Не могу, я не могу... — шепталъ, давясь, нѣмецъ. — У меня былъ запасъ силъ, теперь у меня весь вышелъ запасъ. Я не могу.

— А вы попробуйте!

— Ахъ, нѣтъ! Ноги отсырѣли и голова въ кружокъ пошла. Я, должно быть, отдамъ здѣсь всю жолчь. И потомъ я буду добродушнѣе овечка.

Я вошелъ въ салонъ къ нему. Онъ глуповато улыбнулся.

— Пропалъ мой завтрашній пирогъ съ морошкой. Я заказалъ его спеціально повару, но теперь онъ пропалъ,—и нѣмецъ вздохнулъ.

— Ничего, это скоро пройдетъ,—сказалъ я.

— Ого, какъ-бы не такъ! Я на цѣлыя сутки испорченъ. Теперь я, когда встану, могу только съѣсть яблоки, выпить чернаго кофе съ бисквитомъ, а пирогъ съ морошкой улыбнулся...

Между тѣмъ океанъ продолжаетъ неистовствовать. На палубѣ то-же, что въ каютахъ: трое



крѣпятся, а остальные десятка полтора пассажировъ лежатъ, словно оцѣпенѣлые...

Волны вздымаются, падаютъ, кидаются одна на другую, одна другую захлестываютъ и смываютъ.

И чайка, вспорхнувъ надъ сердитыми валами, бросается въ бѣлую пѣну и плачетъ, плачетъ...

О чемъ плачетъ чайка?

Какъ чайкѣ не плакать! Давно это случилось... У Сѣвернаго океана царица была. Красавица-царица! Жила она въ изумрудной глубинѣ, въ чудномъ янтарномъ дворцѣ...

Не знала морская царица ни горя, ни бѣдъ. Нѣжилась въ объятіяхъ океана, слушая пѣсни волнъ; солнце дышало на нее своимъ тепломъ, блѣдный мѣсяцъ заглядывался на прекрасную царицу. И лучистыя звѣзды, — святыя лампады ночи, мигали ей оттуда, куда не долетаетъ даже владыка эфира—орелъ...

Всѣ рыбы, все что живетъ въ океанѣ, служило царицѣ.

Не знала царица ни горя, ни бѣдъ...

Всѣми прелестями, всѣми сокровищами моря владѣла она. Она, казалось, ничего уже не могла желать...

Вдругъ явился человѣкъ и закинулъ въ океанъ сѣть. Золотистый окунь, никогда до тѣхъ поръ не видавшій сѣтей, захотѣлъ узнать, что это и для чего ее закинулъ къ нимъ человѣкъ. Окунь, какъ извѣстно, рыба юркая и необщительная. Не сказавъ никому о своемъ намѣреніи, юркнулъ онъ въ сѣть. Тамъ и остался. Бился-бился,—не выбраться изъ сѣти. Окунь давай кричать. Услышали сельди, семга, пикшуй, сайды, плывутъ выручать окуня. Нырнули они въ сѣть,—только

океанъ ихъ и видѣлъ. Рыбакъ потянулъ сѣть, отнялъ у царицы часть добра. Понравилось это ему. Въ другой разъ пришелъ и другихъ рыбаковъ съ собою привелъ.

Опять отнялъ у царицы часть добра.

Не знала царица ни горя, ни бѣдъ...

Явилось горе. Задумалась красавица. «Все отниметъ у меня человѣкъ,—думаетъ царица,—если будетъ продолжаться такимъ образомъ».

И придумала она:—губить рыбаковъ. Какъ появится на океанѣ рыбакъ, начинаетъ царица-красавица на гусляхъ играть. Зачаруетъ рыбака пѣсней волшебною, завлечетъ его въ свой янтарный дворецъ и бросаетъ потомъ морскимъ чудовищамъ на съѣденіе.

Много такъ погибло рыбаковъ. Потекли по землѣ слезъ горючихъ ручьи. Плачутъ вдовы, плачутъ малыя дѣти...

И еще-бы больше погибло рыбаковъ, да...

Эхъ, завела на гусляхъ царица-красавица пѣсню волшебную. Дрогнуло сердце рыбацкое... Потянуло сердце въ янтарный дворецъ рыбака. Ужъ чудовищи приготовились. Раскрыли пасти, облизываются.

Увидала царица рыбака, увидала и ахнула...

— Ай, и пригожъ-же ты, добрый молодецъ!

Не стерпѣло сердце красавицы, забилось, захотѣло тревоги.

— И тебя краше, морская царица, никого не встрѣчалъ я на свѣтѣ!—отвѣчалъ рыбакъ.

Знать, откликнулось и его ретивое.

Не знала царица ни горя, ни бѣдъ, не знала царица и счастія.

Волны баюкали ее своими пѣснями, мѣсяцъ заглядывался на царицу... Волны... безстрастныя! Мѣсяцъ... на долго-ли засматривался?..

Солнце дышало на нее своимъ тепломъ, звѣзды мигали съ небеснаго океана... Солнце... кого-же не грѣетъ оно?.. Звѣзды... кому-же не мигаютъ онѣ въ ясную ночь?..

Вся красота небесная дивилась царицѣ. Отчего-жъ ея сердце не билось?

Знать, ждала царица добра-молодца, статнаго да пригожаго. Явился онъ, и полюбила его прекрасная. Всѣ богатства бросить готова къ его ногамъ.

— Милый! Желанный мой!

Цѣлуется, милуется царица съ рыбакомъ, а горе изъ-за угла ждетъ. Узналъ про царицыну любовь владыка всѣхъ морей. Уговаривать сталъ красавицу:

— Умертви статнаго молодца!

Усмѣхнулась царица.

— Ой, ты, гой, владыка морей! Мнѣ-ль самой свое счастіе разрушать?

Положила свои бѣлыя руки на молодецкія плечи, ласкаетъ рыбака.

— Милый! Желанный мой!

Осердился тутъ владыка морей. Разрушилъ янтарный дворецъ, выхватилъ рыбака изъ цари-

цынныхъ объятій и кинулъ его на потѣху пѣнистымъ валамъ.

— Ахъ! — вскрикнула царица, кинулась-было къ желанному, а онъ уже мертвъ: заласкали его волны гульливыя.—Милый! Пригожій! - заголосила царица. — Пропадать мнѣ безъ тебя. Будь ты проклятъ, владыка морей!

Захохоталъ старикъ.

— Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Ахъ ты, чайка сизокрылая! Что задумала! Морского владыку проклинать! Ха, ха, ха! Ха, ха, ха!..

И не успѣлъ онъ сказать всего,—какъ не стало царицы. Обратилась она въ чайку сизокрылую, которая летаетъ теперь надъ сердитымъ океаномъ... Летаетъ и плачетъ о потерянномъ счастіи.

Проходятъ два часа. Вѣтеръ стихаетъ. Волны начинаютъ лѣнивѣе бродить, тише пѣть; изъ-за облаковъ выглянуло солнце...

— Скоро Кола? — обращаюсь я къ старшему штурману.

— А адъ вы видѣли?—улыбается онъ въ отвѣтъ. Нѣтъ? Ну, такъ и Кола еще далеко. Отъ Колы до ада—три версты.

На Мурманѣ обычныя фразы: «Александровскъ — дыра въ небо», «отъ Колы до ада—три версты»...

Пароходъ къ городу не подходитъ, а останавливается верстахъ въ четырехъ отъ него. Прошли тюленью резиденцію - островъ Сальный,— свернули къ Пиногорью...

— Здѣсь наблюдается интересное явленіе,— обращается ко мнѣ веселый штурманъ:— стрѣлка компаса отклоняется на треть круга.

— Отчего это происходитъ?

— Магнитная аномалія.

Отъ Пиногорья лента залива приводитъ къ Абрамовой пахтѣ. Высится гранитная громада предъ глазами, застланная зеленымъ ковромъ. Наступила на дно морское, выпрямилась, потянулась къ блѣдному небу. Это—Дровяной мысъ.

Здѣсь „Ломоносовъ" бросаетъ якорь. Колы не видать. Но сейчасъ туда отправится почтовая шлюпка, которая захватитъ съ собою и насъ, желающихъ знакомства съ самымъ сѣвернымъ русскимъ городомъ. Шлюпка готова. Почтальонъ спускается въ нее. За нимъ слѣдомъ—профессоръ К., дама и я.

Океанъ затихъ. Шлюпка, качаясь на зеленоватой глади, скользитъ впередъ. Пронесся надъ нами поморникъ; сдѣлалъ нѣсколько ломаныхъ линій ножеклювъ.

А это что? Высунулась морда изъ воды, спряталась, опять показалась.

— Тюлень?

— Тюлень.

Плыветъ близъ берега, усами водитъ. Можетъ быть, плыветъ къ излюбленному мѣсту на берегу спать. Погода ясная, а въ ясную погоду тюлени любятъ спать. Иное дѣло—гроза. Въ грозу эти ластоногія любятъ рѣзвиться.

— Нападаютъ-ли тюлени на лодки?—спрашиваетъ спутница у матроса.

— Никогда не нападаютъ. У насъ на Мурманѣ такого слуцая не было.

Показался кольскій соборъ, бѣлый, красивый. Мало-по-малу развертывается и весь городъ. Утренняя дымка окутала его. Словно черезъ кисею глядятъ сѣрые, большею частью жалкіе дома, осѣняемые крутой Суолаваракой. Это гора. Это защита заштатнаго города отъ рѣзкихъ вѣтровъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе различаются дома, берегъ и весь безпорядокъ стройки.

Видно сліяніе рѣки Туломы съ океаномъ: она — быстрая, порывистая, онъ—спокойно-величавый. На берегу склады; городъ на мысу. Двухъэтажное зданіе почтово-телеграфной конторы возвышается надъ лачугами.

Изъ глубины шести вѣковъ смотритъ на насъ городъ, падавшій и процвѣтавшій, процвѣтавшій и падавшій, и теперь онѣмѣвшій, отжившій, существующій только въ томъ смыслѣ, что не разрушенный...

«Почту» понесли въ контору. Матросы отправились съ визитами. Шесть часовъ утра:—нужды нѣтъ. Здѣсь—свой особенный этикетъ.

— Долго будутъ продолжаться сдача и пріемъ почты?

— Да съ часъ.

Давайте знакомиться съ Колой, въ которой 124 дома и 615 жителей. То, что принято назы-

вать улицами и площадями въ строгомъ смыслѣ, здѣсь отсутствуетъ. Строили и строилось, какъ Богъ на душу положитъ. Земля есть, лѣсъ даютъ рубить,—и баста. Гостинницы или постоялаго двора нѣтъ.

— Поѣдемте въ Колу,—приглашалъ я нѣмца.

— Чего тамъ смотрѣть? Городъ, гдѣ нѣтъ гостиницы, не стоитъ вниманія. Странная, право, земля Россія! Въ Испаніи я путешествовалъ, такъ тамъ — поразительно. Въ каждомъ городкѣ нѣсколько гостинницъ, причемъ швейцары, бываетъ, говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, Да-а!.. Они, знаете, ѣздятъ въ разныя государства практиковаться. Это люди съ высшимъ образованіемъ. Да-а!.. Они поступаютъ въ стели изъза выгоды. Да—а! А въ Россіи, не угодно-ли, есть города безъ гостинницъ совершенно! Странный мы народъ!..

И, конечно, не поѣхалъ.

Кольскій соборъ не изъ древнихъ: ему нѣтъ и сотни лѣтъ; въ немъ есть крестъ съ мощами и Евангеліе XVII вѣка. Въ оградѣ пушка, утонувшая въ росистой травѣ. Я прочелъ надпись: «Шестифунтовое орудіе, подбитое англичанами во время бомбардировки города Колы, установленное шхуной «Полярная Звѣзда» 1874 г. іюл 6».

Около пушки кучка изъ 6 ядеръ. По разсказамъ, при помощи этой игрушечной пушки жители города оборонялись отъ англичанъ въ 1854 году. Я, признаюсь, не знаю, чему здѣсь больше

удивляться,—дерзости-ли колянъ, или «храбрости» англичанъ. Какъ-бы то ни было, послѣдніе ранили пушку, но городомъ не овладѣли.

Ядра различной величины. Пока я разсматривалъ со всѣхъ сторонъ историческое орудіе, Богъ вѣсть, откуда взялся сторожъ. Инвалидъ. Козыряетъ.

— Эти ядра историческія?

— Такъ точно. То-есть, историческія раскрали а эти взамѣсто положены.

Лѣтомъ въ Колѣ хорошо. Кругомъ лѣса, обильные птицей и ягодами, близко (въ Туломѣ) много жемчуга и семги, въ Кольской губѣ изобиліе сельдей и акулъ. Не заходитъ солнце.

Но осенью—въ октябрѣ и ноябрѣ — городокъ отрѣзанъ отъ всего міра, и тоска въ немъ воцаряется страшная. Картамъ и сплетнямъ открывается полный просторъ. Въ это время въ Александровскѣ веселѣе: тамъ трактиръ съ граммофономъ, баня-театръ; тамъ, впрочемъ, ужъ отмѣчено и босячество, чѣмъ Кола похвастать не можетъ.

И кается въ этомъ.

Зато коляне не обойдены, какъ александровцы, прѣсной водой, лѣсами, сѣнокосомъ... Отняли у Колы бразды правленія, но природныхъ сокровищъ отнять не могли...

VIII.

Лопари.

Кольскимъ полуостровомъ называется пространство земли отъ Бѣлаго моря до границъ Норвегіи и Финляндіи и отъ Ледовитаго океана до Кандалакшскаго залива. Сѣверный берегъ этого унылаго полуострова и есть Мурманъ. Заштатная Кола дала названіе всему полуострову, средина котораго извѣстна подъ именемъ Лапландіи.

Населяютъ Лапландію лапландцы, иначе лопари, или лапоны, или лопь. Лапъ съ финскаго значитъ мохъ... мохъ (ягель) которымъ питаются олени. Лапландія—мшистая земля.

Лопари, впрочемъ, не довольствуются приведенными прозвищами и называютъ себя еще сооме.

— А то *суома!*

— Это что означаетъ?

— *Суомъ* - это тундра. И *сооме*—тундра. И *самбо*—тундра. И *суомалайнесъ*—тундра.

Словомъ, куда ни кинь, все клинъ.

— Я—изъ тундры, я опять изъ тундры, я только изъ тундры, я и тундра — нѣчто недѣлимое.

Лопаря не представишь себѣ безъ тундры; не-

даромъ сказалъ Карамзинъ: „Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію; онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту: яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!"

Тундра и колыбель, и могила лопаря, этого простодушнаго дитяти сѣвера. Онъ растетъ и крѣпнетъ на ея просторѣ, онъ не могъ-бы жить безъ нея и дышать, какъ рыба безъ воды, какъ царственный орелъ безъ воздушнаго океана. Его не манитъ къ себѣ отравленный воздухъ городовъ, его не влечетъ комфортъ осѣдлой жизни. Перекати-поле - онъ любитъ кочевать.

Дитя природы—лопарь, довольствуется малымъ: сытъ, одѣтъ, обутъ—и слава Богу. А если къ тому-же женка—добрая баба, лопарь считаетъ себя счастливѣе всѣхъ въ мірѣ.

Его богатство - олени. Есть ихъ нѣсколько десятковъ, лопарь доволенъ. Нѣсколько сотъ... о, тогда онъ Ротшильдъ!

Онъ простодушенъ, довѣрчивъ; онъ—открытая душа.

Безхитростенъ и незлобивъ.

— Лопарь!

Онъ сдвигаетъ брови и обидчиво произноситъ:

— Я не лопарь, я— русскій. Вотъ крестъ.

Назвать лопаря лопаремъ, значитъ обидѣть его. Отростокъ финскаго племени, онъ хочетъ слиться съ русскими. Онъ хочетъ быть славяниномъ.

Лопари—христіане, православные... конечно, только оффиціально, на самомъ-же дѣлѣ они полухристіане, полу-язычники. Лопарь носитъ на груди крестъ, онъ вѣруетъ въ Бога, но когда хвіюсъ (вѣтеръ) начинаетъ качать деревья и, страшно воя, взметаетъ снѣгъ и носитъ его надъ тундрой; когда буря начинаетъ стонать, и тупа (зимняя изба), кажется, вотъ-вотъ завалится, не совладавъ со злобою бури,—тогда лопарь, глубже уходя въ печокъ (шуба), кряхтитъ, вздыхаетъ и, глядя на своихъ, заявляетъ:

— Шаманъ (злой духъ) сердится, зачѣмъ мы не кланяемся сайде.

— Надо кланяться сайде,—вторитъ женка.

— Да, надо кланяться.

Сайде – священный камень. На Кольскомъ полуостровѣ много ихъ, и лопари подъ шумокъ кланяются имъ, какъ кланялись будучи язычниками. Дѣти, забытыя—они вѣрятъ въ священную силу камней, потому что школа или священникъ далеки отъ нихъ.

Лопарь родится въ пустынѣ. Растетъ. Сердце заявляетъ о своихъ правахъ, хочетъ любить. Есть близко погостъ (селеніе), дворовъ восемь-девять. Отецъ съ матерью запрягаютъ оленей и везутъ сына въ погостъ невѣсту выбирать. Раздумывать долго не приходится: выборъ не богатый; красота

дѣло условное... Лопарь и не раздумываетъ долго. Увидалъ дѣвицу.

— Я хочу жениться на тебѣ!

Что было на умѣ, все разомъ и вылилось.

— Женись, что-жъ!..

Та тоже сказочныхъ красавцевъ что-то не видывала. А сердце не камень. Поэтому, честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Свадебный обрядъ совершается упрощеннымъ порядкомъ: Благословятъ старики дѣтей, накажутъ имъ жить въ мирѣ да согласіи, а паче всего свято блюсти седьмую заповѣдь, — и дѣлу конецъ. Священникъ далеко; иной погостъ — батюшку-то годами ждетъ. Свадьбы обходятся безъ участія священника большею частью.

Три раза обойти вокругъ стола — по-лопарски жениться.

Вотъ лопарь женился; посыпались дѣти. Растутъ, вырастаютъ. Опять приходится о свадьбѣ думать: пришло время или старшаго сына женить, или старшую дочь замужъ выдавать. Тѣмъ-же манеромъ «играется» свадьба.

Пришелъ срокъ, — у стариковъ внучекъ объявился. Крестить надо. Ребенокъ въ сорочкѣ родился; батюшка пожаловалъ въ погостъ!

Семья къ нему.

— Батюшка! просимъ...

Батюшка мягко улыбается:

— Какая нужда?

— Насъ со старухой повѣнчайте! — кланяется

дѣдъ,—дѣтей всѣхъ окрестите, сына повѣнчайте, внука окрестите...

— Очень хорошо,—отвѣчаетъ батюшка и приступаетъ къ исполненiю требъ.

Былъ случай, что батюшка исполнилъ 200 требъ въ 70 семействахъ.

Плывутъ въ океанѣ два лопаря. Тройникъ (лодка) бѣжитъ по волнамъ, то и дѣло спотыкаясь. «На веслахъ»—среднихъ лѣтъ бородачъ, у руля—парень, лѣтъ 18-ти.

Навстрѣчу шняка съ промышленникомъ.

— Куда Богъ несетъ?

Лопарь хватается за шапку.

— Ребенка крестить,—самымъ серьезнымъ тономъ отвѣчаетъ онъ.

— А гдѣ онъ?

— А вотъ—у руля!

Зима. Лопарь въ тупѣ. Тупа—тѣсная избушка, крытая дерномъ. Посрединѣ ея открытый горнъ, «камелекъ», съ трубою; онъ и грѣетъ, и сушитъ одежду, и согрѣваетъ воду; въ камелькѣ-же готовится и пища. Семья ютится въ тѣснотѣ.

Полярная ночь длится съ 13-го ноября по 3-е января. Лопарь почти не выходитъ изъ тупы. Дѣлать нечего, волей-неволей приходится спать. Развѣ только понадобится куда-нибудь съѣздить.

Тогда, надѣвъ печокъ, мѣховую шапку и мѣховые башмаки съ загнутыми вверхъ носками (по мѣстному: каньги), а за поясъ заткнувъ финскiй ножъ, этотъ сѣверный гномъ идетъ къ оле-

нямъ, которые пасутся поблизости въ лѣсу. Олень—лучшій, незамѣнимый другъ лопаря...

Это милое, терпѣливое, граціозное животное всего себя отдаетъ сѣверному кочевнику, ничего не требуя отъ него взамѣнъ.

Братъ-россіянинъ, отлично знающій, гдѣ раки зимуютъ, приходилъ къ простодушному дикарю и не стыдился брать у него оленя за бутылку отвратительнаго «норвецкаго пойла», т. е. рома.

Не менѣе практическій зырянинъ являлся изъ Печорскаго уѣзда, чтобы жать не сѣянное. Онъ проливалъ передъ лопаремъ крокодиловы слезы, за которыя опять-таки получалъ оленя.

— Лопарь, я бѣдный человѣкъ ..

Маленькій, кривоногій лопарь, теребя жиденькую бороденку, обрамляющую его смуглыя щеки, смотрѣлъ на «бѣднаго человѣка», и на его черныхъ глазахъ сверкали слезы.

— Чего-же ты хочешь, бѣдный человѣкъ?

— Оленя.

— Я тебѣ дамъ двухъ.

И давалъ, нисколько не жалѣя.

Однако, ему надо ѣхать куда-то. Онъ идетъ въ лѣсъ къ оленямъ. Друзья — они готовы къ его услугамъ. О, безъ оленя лопарь пропалъ-бы совсѣмъ!

Арабы называютъ верблюда *даромъ Божіимъ*. Верблюдъ, баобабъ и олень—три *дара Божьихъ*.

Какое животное можетъ замѣнить верблюда въ степяхъ Аравіи? Кто дѣлитъ съ арабомъ попо-

ламъ горе и радость? Кто поитъ, и кормитъ, и одѣваетъ его? Верблюдъ.

Какое дерево сравнится съ баобабомъ? Древнѣйшій житель міра, онъ укрываетъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей, даетъ плоды, даетъ воду.

«На сѣверѣ дикомъ» никакое животное не въ состояніи замѣнить оленя. Онъ слишкомъ невзыскателенъ, онъ не требуетъ ухода за собой. О немъ можно не заботиться.

Ягель-мохъ — вотъ его пища. Лѣтомъ олень не ищетъ ягеля: онъ подъ ногами; зимой достаетъ его изъ-подъ снѣга, который разрываетъ ногами.

Лопарь беретъ оленя и запрягаетъ его въ кережку. Кережка-сани — на подобіе корыта. Если надо ѣхать нѣсколькимъ человѣкамъ, то кромѣ кережки берется еще балокъ.

Балокъ - та-же кережка, да только на полозьяхъ и съ верхомъ. Въ него впрягаются два, три, четыре оленя, тогда какъ въ кережку всего одинъ. Помѣститься въ балкѣ могутъ нѣсколько человѣкъ, въ кережкѣ—одинъ.

Оленій поѣздъ интересенъ. Когда оленей запрягли, лопари становятся каждый у своего «экипажа».

Единственная вожжа наматывается на правую руку, въ лѣвую берется предлинная палка—«хорей». Хореемъ олень направляется. Бить его считается преступленіемъ. Лопарь не ударитъ оленя, какъ индусъ слона.

Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли бить трудолюбивѣйшее и кроткое созданіе?

Передовой лопарь (райникъ) кричитъ:

— Готова райда?

Райда—оленій поѣздъ

— Готова, — отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ.

Райникъ въ мигъ въ балкѣ. Олени, закинувъ на спину вѣтвистые рога, рванулись и понеслись. За первыми—остальные, и вотъ весь поѣздъ уже мчится стрѣлой среди полярной ночи, ничего не разбирая на пути: круча, такъ круча, ровъ, такъ ровъ...

Вы сидите въ балкѣ и ничего не видите, такъ какъ передъ глазами одни оленьи рога: олени перемѣшались. Только слышенъ храпъ... Нѣсколько верстъ отмахали. Остановка. Райникъ выскочилъ изъ «экипажа» и воткнулъ въ снѣгъ хорей.

Умное животное знаетъ, что значитъ остановка. И замираетъ на мѣстѣ. И такъ всѣ. Они разгорячились, глаза горятъ...

Снѣгъ вдругъ алѣетъ. Олень первымъ дѣломъ хватаетъ снѣгъ окровавленными губами. Отдыхъ конченъ. Поѣздъ ѣдетъ дальше, но уже не такъ, какъ до сихъ поръ, а медленнѣе.

А ночь, ночь не таетъ... Но это поистинѣ волшебная ночь!.. Смотрите, что это такое?

Что-то задымилось, потянулось сѣрою лентой, расплывается, вновь сливается, пухнетъ, густѣетъ,

изъ сѣрой ленты превращается въ облако, которое вдругъ прорывается и, какъ буракъ, разсыпаетъ цвѣты. Но какіе! Здѣсь все царство флоры. Чудные цвѣты! Они искрятся, сіяютъ, они загораются, ослѣпляютъ и принимаютъ формы радужныхъ змѣекъ.

Вотъ одна изъ нихъ бросилась вправо, потомъ влѣво, опять перекинулась вправо, словно чья-то невидимая рука распоряжается ими. Змѣйки сливаются, цвѣта переливаются одинъ въ другой. Искры падаютъ и падаютъ.

Все небо вспыхиваетъ. Алѣетъ. Становится рубиновымъ. Загорается.

Это «сполохъ» – сѣверное сіяніе.

Можно многимъ пожертвовать ради этого величественнаго и чуднаго зрѣлища. Простишь клопу, который въ лапландской тупѣ кусается какъ собака. О, лапландскій клопъ—нѣчто особенное. Онъ безпощаденъ и хитеръ. Отъ него трудно избавиться.

Одинъ туристъ мнѣ разсказывалъ:

— Довелось мнѣ ночевать въ тупѣ. Легъ я на полу,—клопы отовсюду наползли и стали кусать мое грѣшное тѣло. Вижу, дѣло плохо. Говорю хозяину-лопарю: ну, и клопъ у васъ.

— Какъ слѣдуетъ быть!—отвѣчаетъ.—Основательный.

— Неужто отъ него и спасенья нѣтъ?

— Какъ не быть? Есть спасенье: обложите себя крапивой со всѣхъ сторонъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Такъ что-бы вы думали? Онъ сталъ съ потолка на меня сыпаться. Вотъ онъ какой, лапландскій клопъ!

На Крещенье — первая робкая улыбка солнца. Съ каждымъ днемъ оно восходитъ все выше и выше, и снѣгъ начинаетъ таять отъ его ласкъ.

Май вызываетъ весну. Зябкая, она бѣжитъ по рѣкамъ и будитъ ихъ. И онѣ сбрасываютъ съ себя ледяные пологи и играютъ въ зачернѣвшихъ берегахъ.

Тѣмъ временемъ май проходитъ по всей тундрѣ, по тайболамъ (лѣсамъ), по пожнямъ (сѣнокоснымъ лугамъ), по пахтамъ, по горамъ.

Его первая изумрудная травка привѣтствуетъ, ему тайболы кланяются.

Птицы радостно гомонятъ.

Лопарь покидаетъ погостъ, выходитъ изъ тупы, переходитъ на лѣтнее положеніе.

Онъ переселяется въ вѣжу, т. е., палатку изъ березовыхъ вѣтвей, крытую дерномъ. Эту палатку можно видѣть гдѣ-нибудь близъ тайболы, на озерномъ или рѣчномъ берегу. Съ нимъ — семья и олени, предоставленные самимъ себѣ.

Они пасутся на свободѣ, безъ присмотра, плодятся, пропадаютъ... Лопаря это нисколько не огорчаетъ: ему немного надо, онъ не завистливъ.

Лѣтній день переливался въ вечеръ. Выйдя изъ тайболы, я очутился на берегу тихаго озера, за которымъ поднимались горы.

Вижу — двое маленькихъ людей. Онъ — въ вяза-

ной фуфайкѣ и каньгахъ. На головѣ — колпакъ арлекина. Лицо сморщилось, бороденка кустиками приткнута, изъ-подъ черныхъ бровей черные глаза улыбаются. Разставилъ ужицей кривыя ноги, смотритъ на бабу.

А она — кругленькая, рыхлая, въ сарафанѣ, непринужденно подобранномъ до пояса. На головѣ не кокошникъ, а берестовая колодка, покрытая алой ситцевой тряпкою съ позументомъ.

Жена варитъ кашицу на камняхъ, около вѣжи.

— Иванъ, дай-ка соли!

Иванъ карабкается на сосну, одиноко стоящую на берегу. Почти у самой верхушки устроено нѣчто въ родѣ скворешни. Это кладовая. Только тамъ и можно уберечь добро отъ звѣрьковъ. Иванъ досталъ соль, подаетъ «женкѣ».

Кашица готова; садятся ужинать. Изъ ушата достается хлѣбъ, сушеный, какъ въ Финляндіи.

— Помогай Богъ, добрые люди!

Добрые люди откликаются:

— Милости просимъ!

Я сѣлъ на камнѣ. Мы разговорились. Я замѣтилъ, что хорошо у нихъ здѣсь.

— Какъ не хорошо!—согласился Иванъ,—просторно. Тайбола эна надвинулась, въ тихо-озеро глядится. Тетеревовъ, рябциковъ—страшно цисло. Ину пору, башь, вся тайбола голоситъ птицьими голосами. Словно базаръ... Только и слышишь: токъ! токъ' — тетерева, башь. Рябцикъ пищать

зацнетъ. Дубоноска, глядь, затрещитъ. Голубь заворкуетъ... Весело!

— Комары вотъ только... бѣда, какъ кусаются!

— Комары, извѣстно...—усмѣхнулся Иванъ.

— Теперь комарь смиренъ,—отправляя въ ротъ кашу, вставила баба. — Это ташка донимаетъ. Она вродѣ комаря. И оцень бѣлое тѣло любитъ. Циновникамъ проходу не даетъ.

— Хорошо, какъ не хорошо! повторилъ Иванъ, прерывая бабу.—Дици много, рыбы вдосталь. А просторъ—отъ какой! И вся Божья красота, башь, тутъ: озеро, горы, тайбола... Цего още!

— Не тянетъ васъ въ городъ?—спросилъ я.

Онъ покачалъ головой.

— Ни. Тамъ нѣтъ оленей, тамъ тѣсно.

— Зато тамъ всѣ жизненныя удобства.

Лопарь засмѣялся.

— Развѣ золотая клѣтка дороже свободы?—сказалъ онъ.—Развѣ природа хуже! Ни, баринъ, ни. Ты не такъ говоришь. Спроси у зырянъ, они тебѣ скажутъ, цё луцце: керка (изба), или вотъ така вѣжа. У него въ керкѣ постель, шолковы занавѣски, цистота, порядокъ, - глядѣть любо; а въ вѣжѣ - цё? Гола земля. А цемъ-же онъ бѣжитъ изъ керки въ вѣжу? Воздуху здѣсь больше, просторъ манитъ..

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы ни была комфортабельна домашняя обстановка, зырянинъ-оленеводъ бѣжитъ ея. Точно также и лопарь не можетъ дышать безъ тундры. Имъ нуженъ просторъ, не

стѣсняемый четырьмя стѣнами, въ которыя горожанинъ старается втиснуть все, что создаетъ культура...

Ничто-ничто не въ состояніи замѣнить имъ пѣсни вьюги, лепета быстро бѣгущихъ ручьевъ, тетеривинаго токанья, лѣсного говора, исполинскихъ горъ, на которыя бѣлыми тучами садятся чайки...

На груди матери-природы размягчается душа человѣка. Величіе природы даетъ ему понять каждую минуту и на каждомъ шагу, какъ, въ сущности, онъ ничтоженъ...

Помолчавъ нѣсколько мгновеній, Иванъ добавилъ:

— Ни, въ тундрѣ луцце, цемъ у васъ... Здѣсь мы вольны, и никто насъ не обижаетъ...

И кому здѣсь обидѣть лопаря? Природа не сердится и не мститъ... Самъ онъ слишкомъ безобиденъ.

Иной разъ, правда, встрѣтится въ тайболѣ лиса или медвѣдь. Идетъ кума лукавая, словно крадется... Усики расправляетъ, золотистымъ хвостомъ помахиваетъ. Не тронь ея, и она тебя не тронетъ Таковъ и „генералъ Топтыгинъ“. Онъ и по природѣ трусливъ Идетъ, вѣтви ломаетъ. Знать, морошкой полакомиться захотѣлъ. Не мѣшай ему,— онъ тебя не удостоитъ и „генеральскимъ“ взглядомъ.

Такъ, звѣрья нечего бояться.

Развѣ только человѣкъ подвернется и обидитъ,

да и то это случается зимою, въ погостѣ. Сосѣдъ оскорбитъ сосѣда. Если оскорбленіе не ужасно, лопарь проститъ оскорбителю; если-же нельзя перенести его, оскорбленный мститъ... страшно, ужасно мститъ!.

— Ты меня оскорбилъ, сосѣдъ. О, я тебѣ отомщу! Будешь вѣкъ меня помнить!

Придетъ и повѣсится на его воротахъ.

Съ точки зрѣнія лопаря нѣтъ мести ужаснѣе этой...

IX.

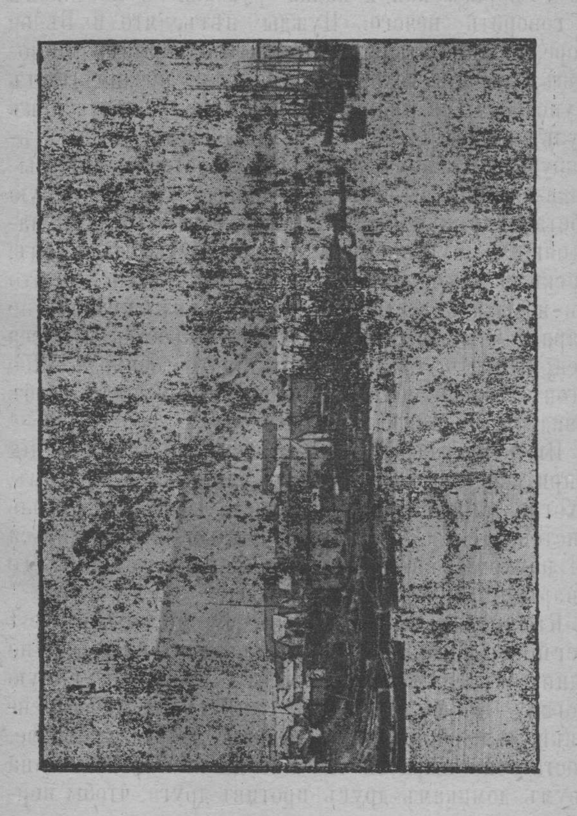
Ночевка въ становищѣ.

Какъ бѣжитъ время! Какъ бѣжитъ!..

Уже на исходѣ іюль. Солнце краснымъ шаромъ повисло надъ гладью океана; пройдетъ полчаса, и оно утонетъ въ его желтовато-алыхъ волнахъ. Наступитъ бѣлая ночь.

Для меня эти бѣлыя ночи—сущее мученье: не заснуть да и только.. И я радъ присутствію четырехъ рыбопромышленниковъ, которые здѣсь, въ избѣ. Промысловая изба ничего особеннаго не представляетъ и въ смыслѣ тѣсноты и неопрятности ничѣмъ не отличается отъ избы крестьянина въ средней полосѣ. Впрочемъ, чистоплотность вообще намъ не пристала. Въ этомъ отно-

шеніи, напримѣръ, норвежцы и голландцы безу-



коризне́нны.

На Мурманѣ очень легко распознать, какая изба норвежская и какая русская. О поселкахъ и говорить нечего. Нужды нѣтъ, что и Бѣлое море, и Ледовитый океанъ сытно кормятъ поморовъ, русскій человѣкъ все-таки предпочитаетъ „уподобляться скоту", чѣмъ прислушиваться къ культурнымъ требованіямъ. Положимъ, въ какомъ-нибудь Кемьскомъ уѣздѣ, въ простой семьѣ рыбака-хозяина вы встрѣтите довольство: недурную обстановку и полный столъ, васъ угостятъ настоящимъ бургонскимъ или бордосскимъ виномъ, виски и даже шампанскимъ, такъ какъ все это въ избыткѣ доставляется морскимъ путемъ, но наряду съ этимъ отъ васъ не укроется и масса непріятныхъ сторонъ домашняго обихода. Ибо стоитъ только немножко поскоблить хозяевъ, чтобъ увидѣть въ нихъ татаръ.

Ни норвежецъ, ни голландецъ не въ состояніи мириться съ тѣмъ, съ чѣмъ мирится и, притомъ, охотно мирится русскій поморъ. Голландецъ столь чистоплотенъ, что готовъ цѣлый день гоняться за паукомъ, который случайно попадетъ въ его квартиру. Таковъ и норвежецъ.

Кто-то скаламбурилъ: «въ Перми — tout est pérmis». Говорятъ, что въ грязи этого города не одинъ купецъ нашолъ себѣ преждевременную могилу. На Мурманѣ, гдѣ живутъ соотечественники, дѣло обстоитъ не лучше. У „норвегъ" иначе. Достаточно вырасти гдѣ-нибудь на берегу океана двумъ домикамъ другъ противъ друга, чтобы нор-

веги проложили дорожку и благоустроили уголокъ. Ближе къ Печенгѣ можно встрѣтить много полуразвалившихся избушекъ. Живутъ въ нихъ, конечно, русскіе, которыхъ заѣли „авось“ и „какъ-нибудь“.

Въ промысловой избѣ, гдѣ насъ собралось четверо, тѣсно и тепло. Въ правомъ углу—глиняная печь на основаніи изъ булыжника, въ противоположномъ — столъ съ деревянными лавками. Дверь въ смежную комнатку, такъ сказать, спальню, потому что тамъ на лавкахъ приготовлены постели..

Двѣ лубочныхъ картины, образъ въ переднемъ углу, на обоихъ окнахъ всякій хламъ...

Печь топится. Старый поморъ, съ бородой вѣеромъ, варитъ „свѣжую“ (уху) и жаритъ рыбу.

— Скоро-то и свѣжая будетъ готова-то,—заявляетъ онъ, воспользовавшись минутой молчанія.—Ты-бы, Тихонъ, пока хлѣба-то нарѣзалъ.

— Нарѣжу,—отзывается Тихонъ угрюмо.

— Нарѣжь.

— Нарѣжу... ладно.

И Тихонъ угрюмо смотритъ на спину стараго помора, съ бородой вѣеромъ. Тихону, видно, не по себѣ. Онъ тяжело дышетъ и громко вздыхаетъ.

Я гляжу на него и, не знаю, почему-то жаль мнѣ его. Высокаго роста, худощавый, онъ похожъ на антилопу. У него острое лицо и тонкая шея...

— Ну, вотъ свѣжая и готова-то.

И старый поморъ ставитъ на столъ горшокъ съ ухой.

— А ты хлѣба-то такъ и не нарѣзалъ,—обращается онъ съ легкимъ укоромъ къ Тихону.

Тотъ молча беретъ ножъ и рѣжетъ хлѣбъ ломтями. Голубые глаза его вспыхиваютъ огоньками.

Антошка, которому недавно только исполнилось 18 лѣтъ и который, поэтому, хочетъ всегда скалить зубы, обращаетъ на Тихона свою лисью мордашку и посмѣивается.

— Гы-и! Страшно было, знать, ежели по сю пору въ себя не придешь! Гы-и! Гы-и!.

— Тебѣ-бы такъ,—вставляетъ Ѳедотъ Головатый, сочувственно посмотрѣвъ на Тихона.

— А ништо!—весело заявляетъ Антошка.

— «Ништо», — передразниваетъ его Головатый.—Погонялкой-бы (кнутъ) тебя...

— А за што? — уже серьезно спрашиваетъ Антошка.

— А за то, што смѣшливъ не въ мѣру...

Антошка притихаетъ.

— Полно,—вставляетъ старикъ,—примайтесь за свѣжую Тихонъ!

— Ни!

— Полно-то, садись.

— Ни, ѣсть не стану. Я лучше рому выпью.

— Пить всѣ будемъ,—замѣчаетъ Головатый.— А ѣсть тожъ нужно. Садись.

Тихонъ садится за столъ. Онъ смотритъ на всѣхъ насъ исподлобья, и на блѣдномъ лицѣ его

начинаетъ выступать слабый румянецъ. Сквозь тонкую и нѣжную кожу меньше просвѣчиваютъ артеріи и вены, словно расплываются эти змѣевидныя, то красноватыя, то синеватыя жилки. И стушевывается височная артерія.

— Не хочется мнѣ ѣсть, — говоритъ онъ тономъ легкаго недовольства.—Не хочется, право.

Кудлатая голова Ѳедота начинаетъ укоризненно качаться; крупное лицо его песочнаго цвѣта. опушенное волнистой сивой бородой, надъ которой закругляется солидный ястребинаго вида носъ, принимаетъ укоризненное выраженіе.

— А я говорю: ѣшь.

— Теперь ужъ неча-то мрачиться-то, — замѣчаетъ старый поморъ, хлебая уху. Вы ничего-то не знаете объ ихъ-то приключеніи?—обращается онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, не знаю.

— А-а!.. Тиша, разскажи-то...

Тихонъ сдвинулъ брови, заговорилъ мрачно:

— Митю Качалова задушилъ онъ...

— Кто?

— Ванька нордкапскій,—пояснилъ Антошка.

— Онъ самый, Ванька нордкапскій,—какъ эхо, повторилъ Тихонъ.—Ахъ, какъ мнѣ жаль Митю, какъ жаль!—простоналъ онъ. — Какой человѣкъ былъ! Кака добрая душа!

— За что-же Ванька съ нимъ расправился?

Тихонъ усмѣхнулся.

— За што! Нешто онъ говоритъ когда? Улу-

чилъ минуту, задушилъ Митю—и все тутъ. Третёводни, послѣ покрута, собрались мы за Гавриловымъ посадомъ на берегу. Сварили свѣжую. Митя былъ, Илья Петровъ изъ Малой Золотицы и я. Я говорилъ имъ въ ту пору,—ни на што, молъ, здѣсь собираться, потому что проклятое сіе мѣсто, а Митя не хотѣлъ слушать. Эхъ, Митя, Митя нужный (бѣдный)! Тяжко третеводни ему было. Душу-то, башь, тоска давила. Ну, и не находилъ себѣ мѣста. Отъ тоски-то и погибъ... Потому съ нимъ тоска, а Ванька съ местью... За бабу, дьяволъ, все мститъ ..

Антошка „гыкнулъ“.

— Когда сварили свѣжую,—стали ѣсть. Мѣсто проклятое: поѣсть-бы да и вонъ отсюда, а Митя не идетъ. Знать, судьба...

— Извѣстно, такъ ужъ все и пригоняетъ Ванька,—произнесъ Ѳедотъ.—Чему быть, того не миновать.

— А то-бы—добавилъ старикъ,—на што вамъ и собираться на проклятомъ мѣстѣ!

— Знамо,—вздохнулъ Тихонъ, на што-бы!.. А какъ ежели судьба, такъ она и есть: ни въ какой кабрылетѣ ея не объѣдешь... Ахъ, Митя, ахъ, Митя!.. Проклятое мѣсто не любитъ ничего, опричь веселья, — повернулъ ко мнѣ лицо Тихонъ.—Ежели ты можешь веселиться, приходи туда, ничего. Съ грустью-тоской придешь,—сотанъ задушитъ. Митя во грустяхъ былъ. Дуняша, башь, архандельская отвернулась отъ него, при-

глянулся, вишь, ей чинарь какой-то. А Митя любилъ ее. И не смогъ, нужный, перенести обиды и погибъ. Можетъ, десятки разъ бывали мы за Гавриловымъ на сотанской землѣ и ничего, Богъ миловалъ. Потому, бывало, придешь съ норвецкимъ пойломъ,— такъ, куда! окіянъ по колѣно. Самъ сотанъ, бывало, боялся подступить. Шумъ, гамъ, пѣсни, веселье, а на сей-то разъ съ тоской пришелъ человѣкъ,— ну, сотанъ не промахъ: взялъ да и сцапалъ его. Митя съѣлъ ложки двѣ свѣжей, да говоритъ: „пойду-ка я, развѣю грусть-тоску свою на горахъ". И ушелъ. Мы съ Ильей Петровымъ остались у очага балясы точить. Покуриваемъ, посмѣиваемся. Часъ прошелъ. Время въ становище на ночевку, а Мити нѣтъ. Пождали еще съ полчаса". Думаемъ себѣ: знать, далече ушелъ.

— „Митя! Ау-ау-у!"—крикнулъ Илья Петровъ, крикнулъ и я. Эхо прокатилось по горамъ, замерло. А никто не откликнулся. Мы въ другой разъ: „Ми-и-тя! Ау-у-у!.."

И опять Митя не откликнулся.

— Пойдемъ, говорю, Илья Петровъ, за Митею. Время ужъ и ко дворамъ. Свѣжо становится.

— Пойдемъ.

Дико кругомъ. Горы горбами лежатъ, словно караванъ верблюдовъ отдыхаетъ. Ни пташки, ни деревца. Въ иныхъ только мѣстахъ ягель бѣлѣетъ. Идемъ, аукаемъ. Не отвѣчаетъ Митя. Вдругъ видимъ.. Господи Іисусе!..

Тихонъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Губы его задергались, и въ глазахъ сверкнулъ огонекъ... Онъ нервно прижалъ кулаки къ вискамъ и плотно закрылъ глаза.

— Ахъ, Митя, Митя! Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..—Задергались плечи. Тихонъ заплакалъ и опустилъ на столъ голову.

Старый поморъ тяжело вздохнулъ.

— Лукавый попуталъ,—произнесъ онъ, сдвинувъ брови.

Ѳедотъ болѣзненно искривилъ лицо.

— Удавился,—безучастно вставилъ Антошка.

Тихонъ смахнулъ слезу. Вздрогнулъ.

— Да, удавился, — прошепталъ онъ и опять вздрогнулъ.—Спустились мы въ ложбинку. Тамъ рѣчка сердится... Глядимъ, нашъ Митя на березкѣ удавился.. Поясъ съ себя снялъ и того..

Тихонъ махнулъ рукой и, отворачиваясь отъ насъ, направился къ двери.

— Тиша, ты куда? — тревожно закричалъ вслѣдъ ему Ѳедотъ, но отвѣта не было.

Наступило молчаніе.

— Знамо-то, сотанъ... его штука, — сказалъ беззаботный Антошка,—зачѣмъ Митя пришелъ съ горемъ на веселое мѣсто?

— Какъ не сотанъ! Вѣрно, что онъ! — подтвердилъ Головатый.—Какое дѣло дѣлаетъ, рогатая поганъ, диву-даешься. Камень, къ примѣру, лежитъ на берегу. Лысый камень,—ну, кой въ

семъ прокъ? А сотанъ, поди-ка, дастъ тебѣ его? Ни за што...

На Мурманѣ ни одинъ поморъ-промышленникъ, никакой покрученникъ, ни одна баба не сбросятъ въ море берегового камня. Сбрось,—да потомъ съ сотаномъ и не развяжешься. Изведетъ въ конецъ.

— Годовъ восемь тому назадъ,—разсказывалъ Ѳедотъ Головатый,--здорово это зарядившись ромомъ, пошли мы за семгой. Не упомню, кто меня поджогъ, только я возьми да съ берега каменище въ воду и отправь... Бултыхнулъ онъ, такъ что-жъ-бы вы думали случилось потомъ? Сѣлъ это я въ шняку, хочу отъ берега плыть, а ее все къ тому мѣсту прибиваетъ, гдѣ камень въ воду погрузился. Люди говорятъ, пять часовъ валандались, изъ силъ выбились. Не идемъ, да и баста впередъ. Спасибо, судно плыло. Взяло насъ, а то, хошь плачь

— Сотанъ шутилъ?—спросилъ я.

— Не шутилъ, а мстилъ, — поправилъ Ѳедотъ.—Хотѣлось ему, чтобъ опять положили камень на прежнее мѣсто. И кладутъ, а вы какъ-бы думали? Бьются-бьются, достанутъ со дна камень, положатъ на бережечкѣ, а тогда и съ Богомъ, куда хошь.

— Довелось и мнѣ воевать съ нимъ, – улыбаясь, началъ старый поморъ и провелъ рукою по бородѣ.—Давно-то было-то это. Я въ ту пору юнѣй Антохи былъ. Ходили-то мы съ бать

кой въ okiянъ. (Батькѣ — царство-то небесное!) Къ ночи потянуло-то, —ну, надо и о ночлегѣ-то подумать. Подошли-то къ берегу. За горами, зналъ батька-то, лѣсъ. А въ лѣсу-то избушка. Такъ, для нашего брата стояла, хозявъ у нея-то не было...

— Вобче, значитъ, пояснилъ Ѳедотъ.

— Вобче. Да. Зашли мы въ нее. Печка, лавки,— все, какъ должно быть. И иконочка въ углу. Столъ. На печи горшокъ, ежели, дескать, кому что сварить-то охота. Былъ у насъ хлѣбъ и семга. Поѣли мы, помолились-то Богу, легли на лавки. И только-то стали засыпать, ка-акъ сотанъ насъ шарахнетъ съ лавокъ! Прямо къ порогу-то.

— Эна нечисть!—говоритъ батька.

Я спугался-то хорошо. Легли опять, на сей разъ рядышкомъ. Перекрестились. Батька читаетъ: „Да воскреснетъ Богъ", я трепыхаюсь, лежу. Страшонно.

Опять засыпать стали. Батька докончилъ молитву. Вдругъ въ печи какъ захохочетъ кто-то...

Антошка поблѣднѣлъ. Пугливо глянулъ на разсказчика, на Ѳедота, покосился на печь. „Гыкнулъ", но ясно было, что парнишкѣ не до смѣха...

А старикъ продолжалъ:

— Захохоталъ кто-то и замеръ. Мы-жъ съ батькой-то опомниться не успѣли: опять у порога валяемся...

Ѳедотъ покачалъ головой.

— Поди, кака работа!..

— Страшно̀!—не выдержалъ Антошка, вылѣзъ изъ-за стола и полѣзъ на печь. Легъ на ней и съ головой укрылся полушубкомъ.

— Поднялись мы,—между тѣмъ, разсказывалъ старикъ. — Батька говоритъ: „Надо-то укротить сотана-то, не спать намъ иначе". И пошли мы въ лѣсъ, вырубили-то рябиновую палку.

— Ну?—насторожилъ вниманіе Ѳедотъ.

— Ну, понятно-то, въ избушку воротились. Батька-то окрестилъ всѣ углы рябиновой палкой и заснули потомъ.

— Заснули?—живо спросилъ Ѳедотъ.

— А знамо-то. Сотанъ боится рябинова-то куста...

А ночь плыла надъ Мурманомъ—ясная, бѣлая ночь.

— Сопѣть пора,—сказалъ Ѳедотъ послѣ минутнаго молчанія.

— Давно пора,—отвѣчалъ старикъ.

Я вышелъ изъ избы.

Было свѣтло и прохладно. Манила къ себѣ загадочная синева береговыхъ силуэтовъ. Горныя кручи скрывали даль. Справа раскрывались ущелья, слѣва—горные узлы. И небо, блѣдное, безоблачное, опрокидывалось надъ этимъ просторомъ.

Чудилось, здѣсь оно было и выше, и шире, чѣмъ вездѣ.

Полной грудью вдыхалъ я горный воздухъ. И ничего, ничего не хотѣлось въ эти минуты кро-

мѣ этой прохлады, кромѣ созерцанія этой шири, этой мощи...

Тишина!

Никто ея не нарушалъ.

Я вспомнилъ о Тихонѣ, сталъ искать его глазами. Его не было. Его не было, какъ того сотана, который такъ ненавидитъ поморовъ.

— Тихонъ, ау-у!..

Не откликается.

Ахъ, и то сказать, какъ и не затеряться человѣку среди такого раздолья!..

X.

Печенгскій монастырь.

Вотъ и Печенга. Тутъ и конецъ путешествію по Мурманскому берегу. Пароходъ остановился противъ Трифонова ручья.

— Поѣдете въ монастырь? — обращается къ намъ, москвичамъ, старшій штурманъ.

Отвѣтъ утвердительный. Спускаютъ шлюпку. Мы садимся въ нее и плывемъ до колоніи Баркинс. Вечеръ ясный, теплый, но, такъ какъ уже вторая половина іюля, приходится считаться съ сѣверомъ и съ любовью поглядывать на плэдъ.

— Монастырь далеко-ли отъ берега? — обращается какой-то странникъ къ гребцамъ.

— Восемнадцать верстъ.

— Насъ сейчасъ отвезутъ туда, или будемъ ночевать въ подворьѣ?

— Напьетесь чаю и поѣдете. Небось ужъ лошади дожидаются...

Закатывается солнце. Янтарно-алые лучи его падаютъ на океанъ и дышащее лоно становится золотистымъ.

До колоніи версты три. Плывемъ часъ. Приближаясь къ берегу, видимъ босоногихъ ребятишекъ, преспокойно расхаживающихъ въ водѣ.

Дама, сидящая противъ меня въ лодкѣ, вскрикиваетъ:

— Боже, босикомъ?! Въ Ледовитомъ-то океанѣ!

— Ну, такъ что-же?—равнодушно произноситъ одинъ изъ гребцовъ.

— Да вѣдь Ледовитый океанъ!

— Ничего, имъ привычно... Обнатурились.

— „Обнатурились",—усмѣхается дама.—Легко сказать!.. Въ Ледовитомъ океанѣ босикомъ!..

Очевидно, дама изъ тѣхъ институтокъ печоринскихъ временъ, которыя вѣрятъ, что въ Красномъ морѣ можно выкраситься..

На берегу монахъ, румяный здоровякъ, ожидаетъ пассажировъ.

— А что, отче, можно прямо отправиться въ монастырь?

Монахъ отвѣчаетъ утвердительно.

— Пожалуйте въ подворье, пока лошадей запрягутъ.

Подворье небольшое, чисто содержимое. Къ нашему приходу готовъ чай, сухари и молоко.

Гостинникъ – гостепріимный монахъ. Лошадей запрягаютъ неторопливо, такъ что мы успѣваемъ наговориться вдоволь съ крестьянами. Ихъ трое, всѣ молодые парни. Поработали на Печенгскій монастырь и теперь возвращаются на родину, въ Тверскую губернію.

Слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ Печенгскомъ монастырѣ, такъ и, въ особенности, въ Соловкахъ всю черную работу исполняютъ пришлые крестьяне. Иные, по обѣту, иные, ради освобожденія семьи отъ лишняго рта, являются въ названные монастыри и за хлѣбъ, за соль работаютъ на нихъ отъ полутора мѣсяцевъ до года и даже двухъ. Въ Соловкахъ даровыхъ, здоровыхъ работниковъ проживаетъ сотенъ до пяти. На мельницахъ, огородахъ, рыбныхъ ловляхъ, кирпичныхъ и лѣсопильныхъ заводахъ, въ мастерскихъ—всюду и вездѣ кряхтитъ русскій мужикъ съ тихаго Дона, изъ стараго Пскова, отъ холодной Ладоги, отъ Камы многоводной, отъ синяго Днѣпра.

Работаетъ онъ, ломается, отцы-монахи-же только приглядываютъ. Въ Печенгскомъ монастырѣ работниковъ значительно меньше, но, во всякомъ случаѣ, достаточно для исполненія монастырскихъ работъ. Есть старики древніе...

Наработаются вдосталь и къ о. казначею.

— Благословите въ путь-дорогу, отецъ (имя рекъ).

— Домой ужъ?

— Время. Осень надвигается, того и гляди, послѣднюю рейсу проморгаешь.

— Ну, благослови васъ Богъ!

Каждому уходящему выдается нѣсколько душеспасительныхъ книжечекъ и мѣсячная порція чаю (½ фунта) и сахару (3 ф.). Коли надо, дадутъ и сапоги, или рубаху, или шапку.

Отъ о. казначея идутъ прощаться къ от. «ахлимандриту». Какъ водится, бухъ въ ноги! От. «ахлимандритъ» благословитъ, тогда и отправляются въ путь-дорогу. До Архангельска мурманскіе пароходы даромъ довезутъ; отъ Архангельска-же либо по желѣзной дорогѣ „зайцемъ“, либо на своихъ-двоихъ.

Однако, лошадей запрягли. Двѣ линейки ждутъ. Монахъ, что̀ встрѣчалъ на берегу, появляется въ комнатѣ.

— Пожалуйте, лошади готовы...

— А сколько требуется за чай?

— Ничего. Это по положенію.

Поѣхали. Дорога вся изломалась; съ горки на горку, только подпрыгиваешь.

— Колотитъ косточки? – оборачивается монахъ-возница и, не дожидаясь отвѣта, прибавляетъ:

— Ничего, потерпите. Спервоначалу оно моркотно, какъ есть, а потомъ обтерпитесь. Верстъ 5—6 така припрыжка, а потомъ гладко будетъ.

Теперча мы новую дорогу пролагаемъ, — вотъ ужъ по ней, какъ по полу будетъ ѣздить.

— Скоро проложите?

— Теперча кончаемъ. Еще годикъ—и готово.

Березовая роща приняла насъ въ свои объятія. Березы низкорослыя; изъ-за ихъ верхушекъ видны, по обѣимъ сторонамъ, фіолетовыя гряды горъ. Ближе къ монастырю березы перемѣшиваются съ соснами. Тутъ онѣ выше. Версты за три до обители лѣсъ кончается. Прямая дорога, упавшая на тундру, ведетъ къ монастырю. Морошки не оберешься.

— Какъ много морошки!

— Нонча урожай на нее.

— Собираете, отецъ?

— На досугѣ займаемся... Будете у отца архимандрита, будете кушать варенье изъ морошки.

— От. архимандритъ, вѣрно, гостепріименъ?

— Дда-а... Съ пріѣзжими издалеча любитъ побесѣдовать.

— А къ вамъ строгъ?

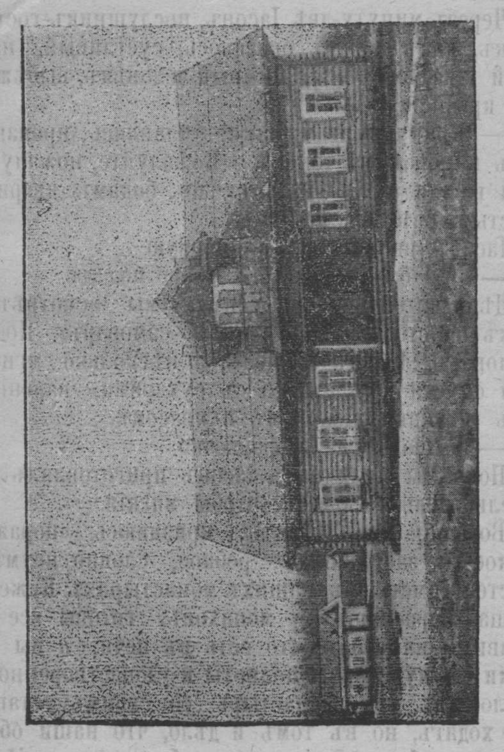
— Въ какихъ ежели смыслахъ. Безъ дѣла не взыщетъ, а коли есть за что, извѣстно, по уставу... Вообче-же строгъ, но милостивъ. Любитъ отпускать.

— Куда?

— Съ миромъ.

Послѣднія три версты проѣхали. Въѣзжаемъ въ обитель. Поздній вечеръ Тишина мертвая.

Обитель спитъ. Возница-монахъ останавливаетъ лошадей около крыльца деревянной гостинницы.



— Сейчасъ я постучусь и васъ впустятъ. Эй,

Іасонъ, отвори-ка,—господа пріѣхали! Слышишь, Ясонъ?..

Черезъ минуту-двѣ Іасонъ, послушникъ-гостинникъ, какъ потомъ оказалось, суетливый, наивный и весьма гостепріимный человѣкъ, выбѣжалъ на крыльцо.

— Прикурнулъ трошки,—кланяясь, произнесъ онъ виноватымъ тономъ.— Пожалуйте, пожалуйте.

Мы вошли въ корридоръ; по бокамъ двери въ чистыя, свѣтлыя комнаты.

Іасонъ ввелъ насъ въ первую

— Чай будете пить? Я скоро подамъ.

Дѣйствительно, не успѣли мы осмотрѣться, какъ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ. Подавъ самоваръ, Іасонъ вышелъ, а нѣсколько мгновеній спустя возвратился съ сухарями, вареньемъ изъ морошки, молокомъ и квасомъ.

— Кушайте на здоровьечко.

Пока мы пили чай, Іасонъ приготовлялъ постели, нельзя сказать, чтобы мягкія.

Вообще, меня всегда, признаюсь, поражало какое-то застѣнчивое, робкое, словно неумѣлое гостепріимство въ нашихъ монастыряхъ. Кажется, душа нараспашку у монаховъ, готовы все выставить на столъ, что есть въ печи, а вы всетаки не чувствуете полноты и удовлетворенности. Положимъ, въ монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, но въ томъ и дѣло, что наши обители, даже богатѣйшія, мало заботятся о пріѣзжающихъ. Столъ скуденъ, въ гостиницахъ клопъ-

разбойникъ. Сказывается-ли въ этомъ монашеская непрактичность, или другое что, не знаю.

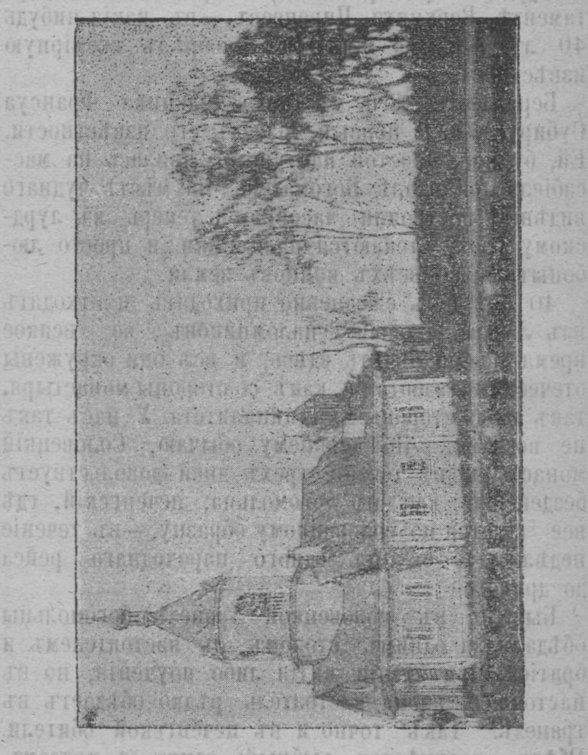
Лурдъ напримѣръ,—этотъ городокъ въ департаментѣ Верхнихъ Пиренеевъ,—въ какія-нибудь 40 лѣтъ (даже меньше) пріобрѣлъ всемірную извѣстность.

Бернадетта, дочь мѣстнаго мельника Франсуа Субируса, дала первый толчекъ его извѣстности. Ей, бѣдной, простой пастушкѣ, явилась на массабіельской скалѣ Богоматерь. На мѣстѣ чуднаго видѣнія построили часовню и теперь къ лурдскому гроту стекаются паломники и просто любопытные со всѣхъ концовъ земли.

40 поѣздовъ ежедневно приходятъ и отходятъ изъ Лурда, тысячи паломниковъ во всякое время можно видѣть здѣсь, и всѣ они окружены отеческими заботами, какъ со стороны монастыря. такъ и со стороны муниципалитета. У насъ такъ не водится... По древнему обычаю, Соловецкій монастырь въ теченіе трехъ дней довольствуетъ безденежно каждаго богомольца; печенгскій, гдѣ все ведется по соловецкому образцу,—въ теченіе недѣли, т. е., отъ одного пароходнаго рейса до другого.

Бывало, въ соловецкой трапезѣ богомольцы обѣдали за однимъ столомъ съ настоятелемъ и братіей, при чтеніи житія либо поученія, но въ настоящее время настоятель рѣдко обѣдаетъ въ трапезѣ. Такъ точно и въ печенгской обители. Обѣдъ, разумѣется рыбный: семга съ квасомъ,

щи съ треской, каша. Любишь — не любишь, — ѣшь...



Однако, время спать. Бѣлая ночь смотритъ въ окна.

Въ окно видны: единственный деревянный храмъ обители и домъ, гдѣ живетъ братія. Печенгскій монастырь изъ новыхъ.

Въ 1878 году въ средѣ почитателей преподобнаго Трифона, просвѣтителя лопарей, возникло желаніе возобновить Трифоно-печенгскій монастырь, который разгромили въ 1590 году шведы. Св. Синодъ,—говоритъ Н. Ѳ. Корольковъ,—послѣ произведенныхъ изслѣдованій, чтобы ускорить начало возобновленія монастыря, указомъ своимъ въ 1886 году возложилъ возстановленіе Печенгскаго монастыря на Соловецкую обитель.

Монастырь рѣшено было строить на мѣстѣ кончины преп. Трифона, въ бывшей Успенской пустынькѣ. Прибывшая братія нашла здѣсь ветхій храмъ Срѣтенія Господня, не менѣе ветхій почтовый домъ, двѣ лопарскія тупы (избы).

Иноки не упали духомъ...

Кое-какъ пріютясь безъ всякихъ удобствъ, усердно принялись всякъ за свое дѣло: одни очищали мѣсто для будущихъ построекъ, другіе рубили для нихъ въ лѣсу бревна, иные изготовляли столы, кровати; іеромонахи совершали въ церкви богослуженія. Въ октябрѣ того-же года положили основаніе корпусу въ 10 помѣщеній для келлій; въ іюлѣ 1887 года вся братія помѣстилась на жительство въ новомъ корпусѣ. Ветхая деревянная Срѣтенская церковь, построенная въ 1707 году, однопрестольная, была поправлена.

Въ настоящее время пустыня процвѣла... Постро-

енъ новый большой деревянный трехпрестольный храмъ во имя преп. Зосимы и Савватія, Срѣтенія Господня и Успенія Богоматери, заботливо внутри украшенный и изобильно-снабженный утварью; открыта церковно приходская школа на 20 мальчиковъ заведены мастерскія: столярная, рѣзная, позолотная, слесарная, сѣтная, плотничная; возведено 19 жилыхъ и 16 нежилыхъ построекъ; заведено обширное хозяйство расчищены сѣнокосы, на которыхъ снимается до 5,000 пудовъ сѣна; разведено огородничество, проведена къ морю хорошая дорога *).

Преп. Трифонъ родился въ 1495 г. въ Торжкѣ. Время его проповѣди христіанства среди лопарей относится, стало-быть, къ 16-му столѣтію. Печенгская обитель основана имъ въ 1533 году. Гдѣ она находилась до шведскаго разгрома, тамъ теперь стоитъ деревянная часовня.

Со временемъ ее возстановятъ на прежнемъ мѣстѣ: разрѣшеніе уже послѣдовало.

Противъ монастырскаго храма—купа березъ: здѣсь стояла келья преподобнаго Преданіе говоритъ: однажды медвѣдь вошелъ въ его келью, опрокинулъ квашню и началъ ѣсть тѣсто. Входитъ преподобный и говоритъ:

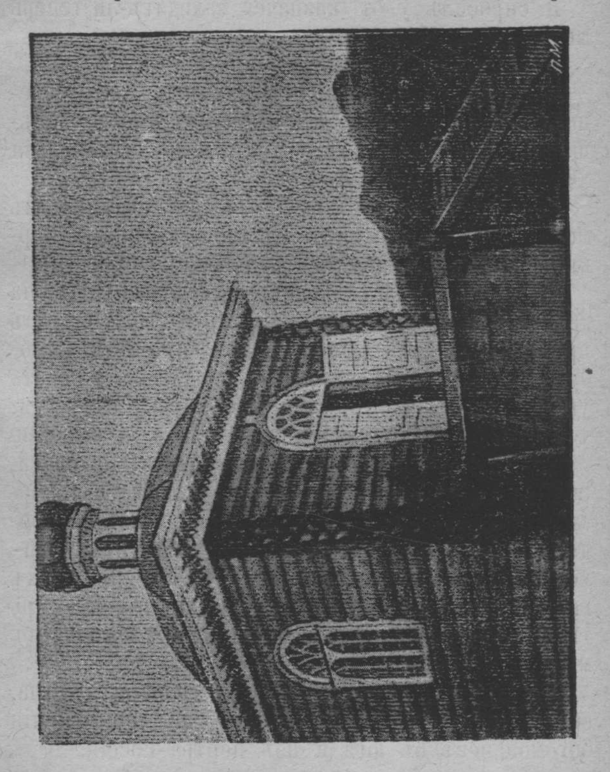
— Выйди изъ кельи и стой смирно.

Медвѣдь вышелъ и сталъ у ногъ его. Сказавъ,

---

*) Корольковъ: „Сказаніе о преп. Трифонѣ и его обители“.

чтобы впредь не смѣлъ безпокоить обитель, преп.



Трифонъ отпустилъ медвѣдя. Съ того времени

медвѣди никогда никакого вреда не дѣлали ни оленямъ, ни другимъ животнымъ обители.

Я спросилъ у от. казначея, заходятъ-ли теперь медвѣди въ обитель.

Монахъ даже обидѣлся:

— Какъ-же они могутъ заходить, если преподобный не приказалъ? Лисицы иногда посѣщаютъ, волкъ забѣгалъ, вылъ, а медвѣдямъ нельзя ходить.

Впрочемъ, когда рѣшено было возстановить монастырь на прежнемъ мѣстѣ, въ колоніи Баркино, медвѣди появились неожиданно.

Предложили власти колонистамъ переселиться на другое мѣсто, тѣ отказались; имъ въ другой разъ предложили,—опять не желаютъ; ну, медвѣди собрались изъ разныхъ мѣстъ и давай допекать упрямыхъ. У одного колониста корову задерутъ, у другого — ягненка утащутъ,—такъ и выжили.

За домомъ, гдѣ живутъ настоятель, казначей, нѣсколько человѣкъ братіи и помѣщается трапеза, находится монастырская лавка. Въ ней продается все, что необходимо въ домашнемъ обиходѣ. Это понятно, такъ какъ въ теченіе двухъ весеннихъ и двухъ осеннихъ мѣсяцевъ монастырь дѣлается настоящей, совершенно отдѣленной отъ міра, обителью иноковъ.

При лавкѣ—„рухлядная“, гдѣ собраны одежда, обувь, полотна, бѣлье и т. п., — все приношенія богомольцевъ съ юга и изъ центра Россіи.

— Огороды у васъ большіе? — спрашиваю у монаха завѣдывающаго скотнымъ дворомъ.



— Нѣтъ. Мало что растетъ. Картофель есть, лукъ и одинъ-единственный огурецъ.

У обители свой фельдшеръ.

Вы спросите: много-ли, вообще, бываетъ въ монастырѣ богомольцевъ ежегодно?

Нѣтъ. Далеко ушла обитель на сѣверъ, мало кто и знаетъ о ней. Судите сами—до шведской границы около 100 верстъ, до норвежской—верстъ 40...

Наплывъ богомольцевъ бываетъ въ февралѣ 1-го числа, въ день преп. Трифона, когда въ Печенгскій монастырь съѣзжаются не только лопари, но и норвежцы.

Печенгскіе монахи говорятъ:

— Норвеги почитаютъ преподобнаго. Пріѣзжаютъ, всѣ церковныя службы выстаиваютъ, свѣчи ставятъ, жертвуютъ. Разъ даже пасторъ ихъ былъ. „Хорошее, говоритъ, ваше богослуженіе!“

Окрестности монастыря живописны. Опоясали его горы, бѣгутъ по его землѣ рѣки Печенга съ Манной да Овечій ручей. Съ монастырскаго двора открывается видъ на Спасительную гору.

За Печенгой тянется она къ блѣдносинему небу, ни дать, ни взять скуфья на гигантскую голову.

— Замѣчательна чѣмъ либо?

— Какъ-же, какъ не замѣчательна!—отвѣчаетъ монахъ,—въ ней была пещера преподобнаго.

— „Была“... Значитъ, не сохранилась?

— Гдѣ сохраниться Время разрушило Преподобный Трифонъ, вѣдь, преставился 15-го декабря 1583 г.

Развѣ взойти на гору?
— Высоко, отецъ?



— Высоко, какъ не высоко, да взойти можно. Вотъ только комаръ доиметъ.

Комаръ, что клопъ: тварь разбойная. Но неужели его бояться?

Переправились мы съ отцомъ Порфиріемъ черезъ Печенгу и побрели берегомъ, то-и-дѣло теряясь въ высокой травѣ. Цвѣты, лиловые, желтые, розовые, такъ и пестрятъ подъ ногами. Чу! ключъ журчитъ... спускаемся къ овражку. Ключъ тутъ и играетъ. Перепрыгнули. Опушка березовой рощи сѣнь свою раскрываетъ. Зазвенѣлъ комаръ. Нога тонетъ во мху. Грибами запахло. Морошка, алая и желтая, лежитъ на ягелѣ, точно камни-самоцвѣты на дорогихъ тонкихъ кружевахъ.

Чѣмъ дальше въ рощу, тѣмъ больше комаровъ. Зато прохладно. Прыгаемъ съ камня на камень. Кто здѣсь набросалъ столько камней?..

— А что, отецъ, скоро Спасительная гора?

Чувствую, что комаръ съ „ташкою“ (вродѣ перваго) одолѣли меня.

— Спасительная-то?—улыбается о. Порфирій.— Мы по ней и идемъ.

— Птица-то у васъ какая-нибудь водится?

— Какъ не водиться! Галка, ворона, — всякая птица водится у насъ. У моря чайка,—недалеко. Иногда куропатокъ видимъ, рябчикъ бываетъ.

Часъ прошелъ, пока взошли на вершину. Какъ здѣсь свѣжо! Куда ни взглянешь, все горы, горы, горы. Въ расщелинахъ снѣгъ. Издали глядѣть— бѣлые медвѣди или тюлени лежатъ.

И мертвая-мертвая тишина...

Отдохнувъ малость, о. Порфирій предлагаетъ посмотрѣть священный камень Рептъ.

— Далеко?

— Въ тундрѣ Угъ-Ойсъ. Интересный камень,— словно человѣкъ сидитъ... Туда на оленяхъ можно проѣхать.

Вечеромъ, когда оленей пригнали въ обитель, я поѣхалъ посмотрѣть „камень Рептъ".

А. Н. Сергѣевъ записалъ о немъ преданіе: въ очень давнія времена, при озерѣ въ Яуръ-Арви-Вальдимъ, жили два лопаря, родные братья. Оба они были люди женатые, почтенные и уважаемые, и имѣли по одному сыну. Былъ у нихъ отецъ— Нойда (чародѣй), большой колдунъ, по прозвищу Сырнецъ. Онъ съ ними не жилъ, а помѣщался отдѣльно въ лѣсу и къ сыновьямъ ходилъ рѣдко, такъ какъ они его не любили за его жизнь. Кромѣ того, онъ никогда не ѣлъ съ ними, а всегда просилъ отдѣльно покормить его.

Однажды братья пошли въ тундру промышлять дикихъ оленей, а жены ихъ поѣхали на озеро смотрѣть сѣти. Уѣзжая родители сказали дѣтямъ:

— Когда придетъ старикъ-дѣдко и запроситъ ѣсть, то вы не варите мяса, а возьмите для него въ амбарѣ рыбы, соленой или свѣжей, все равно. Если онъ попроситъ жареной рыбы, изжарьте ему.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда пришелъ дѣдко. Онъ поздоровался съ внучатами и сѣлъ на лавку.

— Усталъ я, — говоритъ: — старъ сталъ...

А потомъ, посидѣвъ немного, сказалъ дѣтямъ, что хочетъ поѣсть.

—Чего-же ты хочешъ, дѣдко?—спросили дѣти,

Сырнецъ подумалъ немного и попросилъ мяса. Дѣти помнили, что имъ варить для дѣда мяса не приказано, но сказать объ этомъ старику не посмѣли, а побѣжали въ амбаръ, принесли шею отъ дикаго оленя, сами разрубили ее на куски, положили въ большой котелъ и съ трудомъ подняли его на крюкъ. Старикъ нечѣмъ не пособилъ имъ, а только глядѣлъ на дѣтей и усмѣхался. Когда мясо сварилось, дѣти положили его въ дервянную чашку и стали угощать старика. Поѣвши, дѣдко поблагодарилъ ребятъ и потомъ сказалъ имъ:

— Скажите родителямъ, что сегодня я былъ у нихъ въ послѣднiй разъ. Скажите имъ еще, что оленей будетъ много; дикихъ оленей они будутъ добывать счастливо; озера будутъ въ изобилiи доставлять имъ рыбу. Во всемъ они будутъ имѣть удачу, но при этомъ озерѣ никогда не будетъ болѣе двухъ домовъ и въ каждомъ домѣ будетъ только одинъ мужчина. Теперь я пойду на Учъ-Ойвъ, сяду тамъ и всегда буду смотрѣть на домъ вашихъ родителей. Еще скажите отцу и матери,—продолжалъ Сырнецъ, что когда я зашумлю на Учъ-Ойвѣ, тогда пусть они никуда не ходятъ и не ѣздятъ, потому что тогда будетъ большая буря. Когда же будетъ ясно и не будетъ шума, пусть идутъ и ѣдутъ, куда имъ нужно, и всегда воротятся съ тѣмъ, съ чѣмъ поѣхали.

Сказавъ это, дѣдко ушелъ, куда хотѣлъ, и тамъ—окаменѣлъ.

Вскорѣ послѣ того возвратились домой матери дѣтей; увидавъ котелъ, онѣ спросили: былъ-ли въ домѣ дѣдко?

— Былъ,—отвѣчали дѣти.

— Что варили вы ему?

— Мы варили ему оленью шею; онъ просилъ мяса и мы боялись ему сказать, что вы запретили ему давать оленины.

Матери, услышавъ это, забранили дѣтей и хотѣли ихъ бить, но вдругъ сѣли на лавку и больше не могли встать.

Немного погодя, пріѣхали изъ тундры отцы. Дѣти побѣжали имъ навстрѣчу и сказали, что матери не могутъ встать съ лавки.

— А дѣдко былъ у васъ?

— Былъ.

— Чѣмъ кормили вы его?

— Онъ просилъ мяса и мы варили ему мясо.

Отцы побранили ребятъ, а меньшой братъ ударилъ своего сына по головѣ.

Старшій братъ пошелъ въ избу и, не говоря ни слова, ударилъ жену по спинѣ; потомъ ударилъ и другую, и обѣ женщины вскочили съ лавки.

Затѣмъ братья порѣшили сжечь камень-старика. Они нарубили смоляныхъ сухихъ дровъ и поѣхали на оленяхъ жечь камень. Доѣхали почти до мѣста, вдругъ поднялась буря и отбросила ихъ съ оленями домой.

И три раза такъ повторялось.

Братья махнули на камень-старика рукой.

— Сиди-же ты камнемъ вѣчно!

Послѣ этого при озерѣ никогда не бывало больше двухъ домовъ, и въ каждомъ домѣ жило только по одному мужчинѣ

Лопари по горѣ, на которой лежитъ камень Рептъ, узнаютъ погоду ..

XI.

Сѣверные пастухи.

I. Фильманъ.

Фильманъ — пастухъ. Давно я искалъ случая увидѣть этого сѣвернаго бродягу. Довелось, наконецъ, въ двухъ трехъ верстахъ отъ Печенгскаго монастыря, за Спасительной горой.

Вечерѣло. Тундра дремала. На ея просторѣ паслись олени. Вѣжа чернѣла одиноко. Около нея дымился очагъ

Я приблизился къ палаткѣ (вѣжѣ) Гляжу— изъ нея высунулась разбойничья образина.

— Фильманъ?

Онъ завозился въ палаткѣ, выползъ и быстро всталъ на ноги.

— Я—фильманъ. Да. А ты чего?

Онъ былъ высокъ и толстъ, въ оленьей шкурѣ. Толстая рожа его, красная, безъ единой правиль-



ной черты, носила отпечатокъ цинизма. Толстый носъ былъ сдавленъ, нижняя губа отвисла.

Свѣтло-русые волосы, очевидно, не знавшіе гребня, напоминали сухой валежникъ.

— Я—фильманъ. Ну? – повторилъ онъ грубымъ басомъ и прищурился. Брови слились, лобъ сморщился, какъ печеное яблоко. Рожа приняла суровое выраженіе.—Зачѣмъ я тебѣ?

— Я пришелъ познакомиться съ тобой. Я никогда не видалъ оленьихъ пастуховъ, —отвѣчалъ я.

Онъ усмѣхнулся.

— Значитъ, ты мой гость. Хочешь похлебки?

И досталъ изъ палатки горшокъ и ложку.

— Ѣшь. Похлебка хорошая.

Я отказался, такъ какъ зналъ, что это за „прелесть". Вы помните спартанскую похлебку? Она приготовлялась изъ крови, свиного отвара, уксуса и соли. Мало чѣмъ отличалась отъ нея и предложенная мнѣ пастухомъ. Эта послѣдняя была не что иное, какъ смѣсь муки съ оленьей кровью. Такъ какъ оленья кровь сама по себѣ солоновата, то фильманы обходятся безъ соли.

— Отчего не хочешь? Сытъ?

Я отвѣчалъ: да.

— Ну, ладно. А я хотѣлъ угостить тебя блинами: хорошіе блины изъ оленьей крови. Ты пьешь оленью кровь?

— Никогда не пилъ.

— Никогда! А мы пьемъ. Лопари дураки. Они пускаютъ оленей на волю. Замѣтитъ, какъ-нибудь вырѣзавъ ухо, и пуститъ. И не смотритъ за нимъ.

А волкъ тутъ-какъ тутъ. Возьметъ и украдетъ оленя Ха-ха-ха!..

— Ты смѣешься?

— Я смѣюсь, какъ глупъ лопарь. Онъ вѣритъ, будто волкъ таскаетъ оленей. Ха-ха! Развѣ умный фильманъ отдастъ волку оленя? Развѣ онъ самъ не хочетъ оленьей крови? Ха-ха! Оленья кровь— лучше норвецкаго пойла. Норвеги потчуютъ насъ сквернымъ ромомъ, а у оленя хорошая, ахъ, какая хорошая кровь!

Сѣверный хищникъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ; каждое слово его раскрывало все больше и больше звѣря,—звѣря, который по недоразумѣнію носитъ человѣческій обликъ...

Что волкъ, этотъ дикій, неприручимый звѣрь, въ сравненіи съ нимъ? Волкъ растерзаетъ корову, разорвегъ собаку, утащитъ ягненка, бросится, наконецъ, на человѣка, – но онъ дѣлаетъ это или голодный или бѣшеный; рѣдко въ иномъ случаѣ. Фильманъ готовъ во всякую минуту подрѣзать у оленя артерію, чтобы сдѣлать нѣсколько глотковъ теплой крови.

Сынъ суровой Норвегіи, онъ не уживается въ своемъ отечествѣ. Его тянетъ на просторъ русской тундры, его тянетъ скитаться. Въ оленьей шкурѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ, онъ похожъ на ветхозавѣтнаго человѣка. Онъ переходитъ русскую границу и начинаетъ скитаться; отъ одного олене-

вода переходитъ къ другому, предлагая свои услуги въ качествѣ пастуха.

И лопари, и зыряне охотно берутъ его пасти оленей: нужды нѣтъ, что онъ—хуже волка. Зато онъ самовольно не покинетъ стада и, когда надо, сумѣетъ отстоять хозяйскіе интересы.

Одинъ въ тундрѣ, а любо ему. Валяется на мху да ѣстъ морошку, которая смотритъ со всѣхъ сторонъ. Надоѣстъ валяться на мшистой постели, забирается въ палатку и тамъ подъ березовымъ кровомъ засыпаетъ на оленьей шкурѣ. Только богатырскій храпъ несется.

Комары дьявольски кусаются, - ему ни почемъ. Пока не выспится, не встанетъ, не потянется даже.

Жажда начнетъ томить,—оленье молоко есть. Оно желтоватаго цвѣта и густо, не такъ сладко, какъ коровье, но во всякомъ случаѣ вкуснѣе козьяго. Пахнетъ мхомъ. Фильманъ выпиваетъ залпомъ бутылку, а то и больше.

Лѣнтяй онъ знаетъ себѣ цѣну, какъ пастуху, и, конечно, никакими средствами не заставишь его заниматься постоянной работой, на одномъ мѣстѣ

— Ты знаешь какое-нибудь ремесло?

Онъ задралъ ноги, положилъ ихъ на склонъ вѣжи и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Фильманъ знаетъ ремесло.

— Какое?

— Котораго ты, пожалуй, не знаешь!. Ну-да не знаешь.

— Что за ремесло?

— Воровать. Фильманъ ворует оленей и хлѣбъ. Больше мнѣ ничего не надо.

„Хорошее ремесло", подумалъ я.

Онъ захохоталъ. Потомъ продолжалъ:

— Ты молишься, чтобы Богъ послалъ тебѣ хлѣба, норвеги тоже молятся. Я не умѣю молиться. Мнѣ нельзя молиться: шаманъ (злой духъ) — мой другъ. (И опять захохоталъ). Его дѣло заботиться обо мнѣ. И онъ заботится, — онъ бросаетъ мнѣ оленей и хлѣба; я знаю, гдѣ хлѣбъ лежитъ плохо... И всегда украду. И за то, что я другъ шамана, онъ мнѣ рай готовитъ. Новерги всѣ хотятъ быть въ раю, но они глупы. Они хотятъ въ рай, не зная каковъ онъ... Самоцинъ (самоѣдъ) умнѣе норвеги: онъ знаетъ, въ какой рай попадетъ.

— Ну?

— Его рай, гдѣ много каши. Спроси у самодина: «хочешь въ рай»? Онъ тебѣ отвѣтитъ; „хочу. Тамъ много, много касы съ масомъ" (каши съ масломъ). Мой рай лучше. Шаманъ говоритъ: служи мнѣ и ты будешь въ раю. Ты будешь послѣ смерти жить въ палаткѣ изъ березовыхъ вѣтвей, спать на оленьей шкурѣ, ѣсть похлебку и студень изъ оленьихъ роговъ и пить оленью кровь и молоко. Развѣ это плохой рай?

— А развѣ шаманъ разговаривалъ съ тобою?

— Зачѣмъ шаману разговаривать со мною, когда у него слуги: колдуны и колдуньи? Они передаютъ намъ все, что прикажетъ шаманъ. Шаманъ—гордъ.

Наступило молчаніе, продолжавшееся нѣсколько минутъ.

— Хочешь кататься на оленяхъ? пойдемъ.

Промчавшись въ кережкѣ по тундрѣ взадъ и впередъ, я сталъ прощаться съ пастухомъ.

— Приходи завтра,—сказалъ онъ,—я тебѣ кое что разскажу. Я кое-что знаю, ничего, что я пастухъ.

— Что же ты знаешь?

— Приходи — разскажу,—усмѣхнулся онъ.— Скажи, ты былъ въ Христіаніи, ты видѣлъ майское шествіе дѣтей 17-го числа? 17-е мая нашъ праздникъ. Когда я былъ мальчикомъ, я участвовалъ въ шествіяхъ, и мой національный флагъ высоко держался. 17-го мая установлена конституція. И ты думаешь, фильманъ не знаетъ, что Норвега — политически самостоятельна? Нѣтъ, Фильманъ знаетъ!.. А ты все-таки завтра приходи: я тебѣ кое-что разскажу...

Къ сожалѣнію, я не могъ во второй разъ придти къ нему...

II. Акимъ.

Я видѣлъ нѣсколько оленьихъ пастуховъ; среди нихъ Акимъ — явленіе исключительное Какъ сей-

часъ вижу его передъ собой: стоитъ въ малицѣ (оленья шуба), на ногахъ—бахилы, руки спрятаны въ варежкахъ. День теплый— Акимъ не обращаетъ вниманія. Безъ шубы, мѣховыхъ сапогъ и теплыхъ варежекъ онъ не можетъ.

Оленій башлыкъ покрываетъ его голову.

Акимъ пасетъ оленей вмѣстѣ съ отцомъ—красивымъ зыряниномъ. У печенгскаго монастыря пятьсотъ оленей, которыхъ онъ и поручилъ Акиму съ отцомъ. Они живутъ въ палаткѣ, въ тундрѣ, пріѣзжая въ обитель только за снѣдью.

Акимъ угрюмъ и не словоохотливъ. Съ нимъ не разговоришься; самъ онъ ни о чемъ не спроситъ, на всѣ вопросы отвѣчаетъ односложно, или попросту мычитъ. Только о. архимандритъ пользуется особеннымъ расположеніемъ угрюмаго Акима. Этотъ послѣдній каждое утро является къ почтенному монаху чай пить.

Утро брезжетъ, темное, сѣверное утро... Зима.

Стукъ! стукъ! стукъ! кто-то ударяетъ въ дверь архимандритовой кельи.

— Батько-о!..

— Кто тамъ?

— Батько-о!..

О. архимандритъ отворяетъ дверь: Акимъ стоитъ въ малицѣ, бахилахъ, варежкахъ. Весь снѣгомъ занесенъ. Смотритъ на него монахъ—и мягкая, сдержанная улыбка расплывается по строгому лицу его.

— А, Акимъ! здравствуй.

Акимъ молча подаетъ руку.

— Ну, давай чай пить.

Отвѣта опять не слышится. О. архимандритъ беретъ гостя подъ руку и ведетъ въ уютную залу, гдѣ скромность и чистота соперничаютъ между собою.

Молча Акимъ садится на диванъ и молча приступаетъ къ истребленію бѣлаго хлѣба, запивая его цейлонскимъ чаемъ.

— Всѣ олени цѣлы, Акимъ?

— Всѣ цѣлы.

— Ну, слава Богу.

— Ну, слава Богу,—какъ эхо вторитъ Акимъ.

Напился, наѣлся—выходитъ изъ-за стола и направляется къ двери, крестясь на-ходу. О. архимандритъ научилъ креститься.

— Акимъ, постой...

Акимъ останавливается.

— Прощай... что-же ты и „прощай" даже не сказалъ? За хлѣбъ-то, за соль благодарятъ, вѣдь.

— Прощай, -повторяетъ Акимъ и уходитъ.

Акимъ — совсѣмъ дичокъ; онъ не видитъ никого, кромѣ отца, монаховъ и оленей. Да тундра — мертвая, спящая тундра вѣчно разстилается передъ глазами. Акимъ спускается съ лѣстницы, стучитъ сапогами по деревяннымъ ступенямъ. Изъ келій выходятъ монахи. Акима всѣ привѣтствуютъ; рукопожатія, ласки.

— Хочешь, Акимъ, пряника?

Онъ любитъ пряники и потому часто загляды-

ваетъ въ универсальную монастырскую лавку. Рука съ пряникомъ протягивается къ Акиму; онъ выходитъ на монастырскій дворъ и садится на снѣгу.

Эффектъ получается полный, такъ какъ подъ шубой на Акимѣ рубашка—и больше ничего. Рубашка и шуба составляютъ весь его гардеробъ. Акимъ принимается за четвертый пряникъ; съ каждой минутой пряникъ таетъ у него во рту, а снѣгъ подъ нимъ. Затѣмъ онъ встаетъ и на весь дворъ кричитъ:

— Батько-о!..

Обращается онъ уже не къ отцу архимандриту, а къ отцу, который заговорился въ трапезной съ монахами.

— Акимъ иди сюда. Я здѣсь.

Забравъ снѣдь, они садятся въ балокъ и мчатся домой, т.-е., въ палатку. Акиму пріятно. Сидитъ, кряхтитъ; физіономія веселая. Вѣтеръ жжетъ щеки: пастухамъ это ни почемъ: привыкли. Пріѣдутъ къ палаткѣ, заберутся въ нее, разведутъ огонь—и самъ сотанъ имъ не братъ.

У очага только еще больше краснѣетъ лицо Акимово. Круглое, рыхлое, какъ квашня, оно забавно; маленькій носъ, широкій и уморительно вздернутый, расплывается. Голубыя глаза прорѣзаны миндалинами. И всегда Акимова физіономія — красная.

Лѣтомъ мало-того что красная, а еще и вся расцарапанная и опухшая. Я его такимъ и видѣлъ.

— Акимъ, — спрашиваю, — что съ твоимъ лицомъ?

Молчитъ, хмурится.

— Опухло отъ комариныхъ укусовъ, — отвѣчалъ за него отецъ. — А расцарапался весь, когда за морошкой ѣздилъ. Увязался за мной, поѣхали. Ну, въ лѣсу березы и поцарапали. Да это ничего, до свадьбы заживетъ.

Впрочемъ, Акимъ повидимому, нисколько не тревожится. Съ лица не воду пить. За то морошкой полакомился. Морошка для сѣвернаго жителя столь-же привлекательна, какъ шабли и устрицы для гурмана.

При видѣ этого исключительнаго пастуха вспоминался спартанскій закалъ. Акимъ, въ отношеніи воспитанія, не уступилъ-бы спартанцу. Та же суровая школа жизни, пріученіе себя ко всевозможнымъ лишеніямъ и полное довольство малымъ.

Тундра закаляетъ сѣверянина, она-же пріучаетъ довольствоваться своимъ добромъ. Только норвежцы-фильманы не мирятся съ этимъ; одиннадцатая заповѣдь — „не зѣвай". Но фильманы — дѣло иное. Они не подходятъ подъ общечеловѣческій критерій.

Фильманъ живетъ настоящимъ днемъ, какъ какой-нибудь четвероногій хищникъ. Смутно представляя себѣ политическую самостоятельность Норвегіи, его родины, онъ даже и смутно не

понимаетъ въ чемъ заключается добро. Онъ воръ. Онъ!—норвежецъ!..

„Иностранцу, пріѣхавшему въ Норвегію, кажется, что онъ очутился въ какой-то идеальной республикѣ. Едва-ли кто повѣритъ, что въ Христіаніи и понынѣ входныя двери домовъ оставляются на ночь незапертыми, между тѣмъ какъ въ передней висятъ шубы всѣхъ членовъ семьи, иногда весьма дорогія".

— Помилуйте, кто у насъ станетъ красть!— говорятъ норвежцы пораженному иностранцу.

Но фильманъ—воръ и оттого онъ бѣжитъ изъ прекраснаго отечества въ русскую тундру заниматься волчьимъ дѣломъ.

Русскіе пастухи—народъ честный. Зыряне въ Бога вѣруютъ. Да и зачѣмъ имъ воровать оленя, если его „по чести" можно взять у лопаря. Лопарь не постоитъ за оленемъ.

— Хочешь? Что-жъ, приди и возьми.

Нагулявшись по тундрѣ, наѣвшись, накатавшись на оленяхъ, Акимъ ложится спать. Спать онъ любитъ. Разметавшись на оленьей шкурѣ, тихонько всхрапываетъ, шевелитъ губами. Улыбнется во снѣ. Отецъ или возлѣ него сидитъ, или около оленей возится.

— Батько-о!

Акимъ проснулся.

— Батько-о—высовывая изъ палатки свою большую голову, въ другой разъ зоветъ онъ

отца. Того, должно быть, нѣтъ поблизости, иначе онъ откликнулся-бы.

Акимъ ворчитъ; ищетъ воду: пить захотѣлъ. Воды нѣтъ.

— Ба-атько-о!!

И Акимъ горько плачетъ. Въ трехлѣтнемъ возрастѣ можно плакать, не вызывая смѣха.

А Акиму, вѣдь, около трехъ лѣтъ.

XII.

У кореловъ.

Что за утро! Его голубымъ сіяньемъ озарено Ругозеро, — этотъ зеркальный щитъ, покрывшій землю. Ругозеро ярче перламутра, Ругозеро гораздо болѣе, чѣмъ луна, серебряное... Вспухло оно островками, изъ которыхъ иные поросли; въ зеленой шерсти ихъ, навѣрно, водятся пернатые дикари. Берега извиваются, наступили на нихъ сосны, выпрямили, вытянули надъ озеромъ зеленыя вѣтви, сами собой любуются. И берега, и сосны также купаются въ голубомъ сіяньи лѣтняго утра.

Близко къ полудню. Солнце глядится съ небеснаго купола, ласкаетъ природу. Нѣтъ нѣтъ да пронижетъ и своими золотыми стрѣлами сонную

лѣсную чащу, освѣтитъ сосну, другую, вспыхнетъ сосновая шапка аметистомъ, уронитъ отблескъ въ озеро, и глядишь—щитъ этотъ самый, словно щучья чешуя, засверкаетъ...

Деревня Княжая, Ковдо-озеро, Тутозеро, Ругозеро, Соколозеро, Пявозеро, Топозеро, и такъ вплоть до Кусамо—все это корельскія мѣста. Корелы, подобны лопарямъ, финскаго племени, но стоятъ одною доской выше ихъ. Лопарь — это что-то мелкотравчатое, низменное, презрѣнное...

Назови кореляка лопаремъ,—бѣда! Обидится...

— Лопарь ты!

— Чего-о?

— Лопарь...

— Я корелякъ! А дикую лопь ты не ищи тутъ.

Корелякъ пронырливѣе лопаря; онъ „полируется“ около русскихъ, финляндцевъ, норвежцевъ, тогда какъ лопарь никого не желаетъ знать, кромѣ оленей да пустыни. Зато лопари при встрѣчѣ не подаютъ другъ-другу руки, а трутся носами. Кореляки, между тѣмъ, кладутъ другъ-другу на плечо руку.

Корелія тянется по сѣверу-западу Кемьскаго уѣзда. У кореловъ тринадцать волостей. Бѣлое море - ихъ кормилица. Впрочемъ занимаются они чѣмъ придется, лишь-бы не умереть съ голоду: сплавъ лѣса, такъ сплавъ лѣса, рыболовство, такъ рыболовство; корелякъ идетъ въ извозъ, въ казаки (работники), на лѣсопильные заводы.

— А контрабандной торговлей, какъ прежде не занимаешься?

— Нѣтъ! Контрабандной торговлей не занимаюсь! Нѣтъ! нѣтъ!

Вретъ: занимается. Въ Финляндіи занимается контрабандной торговлей. И занимается не столько потому, что „запретный плодъ намъ подавай, а безъ него и рай—не рай", сколько по нуждѣ.

Земли пахатной нѣтъ,—значитъ, хлѣбъ приходится покупать. Точно такъ-же нѣтъ и дорогъ,—куда и какъ сбудешь добычу морскую или лѣсную?

Всю Корелію пройдешь, путнаго проселка не увидишь; гдѣ тропа, гдѣ жердочка. Рѣки порожистыя, бурливыя; того и гляди, спровадятъ къ праотцамъ...

Долго я сидѣлъ надъ Ругозеромъ, прежде чѣмъ увидѣлъ кореляка. Надо замѣтить, что корельскія деревни чаще всего состоятъ изъ двухъ-трехъ избъ, да и тѣ стоятъ одна отъ другой, случается, верстахъ въ полутора или двухъ. Немудрено поэтому, что взрослаго кореляка не всегда увидишь въ деревнѣ: онъ или на промыслѣ, или ушелъ въ услуженіе.

Избы строятся въ видѣ *глаголя*, такъ что верхушка буквы составляетъ заднюю часть постройки. Въ избахъ совмѣстно живутъ корелы и скотъ. Пахнетъ навозомъ, — ужъ не взыщите! Тѣмъ не менѣе горницы содержатся опрятно.

Кореляк подошелъ ко мнѣ, снялъ шапку, мот-

нулъ головой, но руку на плечо не посмѣлъ положить.

- Откуда, милый человѣкъ?

— Изъ лѣсу,—отвѣчалъ онъ.—А ты откуда? Я сказалъ.

— А зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Посмотрѣть,—говорю,—какъ вы живете?

— Ты - губернаторъ?

— Я?!

— У насъ губернаторъ былъ. Только разъ, а то никогда никто не бываетъ.

И замурлыкалъ какую-то тоскливую, какъ призывъ муэдзина, пѣсню.

— Пойдемъ въ горницу, я молока тебѣ дамъ.

— А ты лучше сюда принеси.

— Ну, ладно.

И опять замурлыкавъ пѣсню, онъ ушелъ въ избу; черезъ двѣ-три минуты возвращается.

— Пей...

Смотрю молоко въ берестяной коробкѣ.

— Видно у васъ посуды нѣтъ!

— Нѣтъ,—и опять беззаботно мурлычетъ пѣсню.—Мы въ берестяныхъ коробкахъ все сохраняемъ.

У кореловъ, за исключеніемъ зажиточныхъ, самовара, ножей, вилокъ и мебели не водится.

— А хлѣба не дашь?

Онъ искривилъ ротъ въ усмѣшку.

— Ѣсть не станешь...

— Отчего?

— Съ сосновой корой и съ соломой...

Наступила пауза.

— Такъ, ты не губернаторъ?

— Нѣтъ, я не губернаторъ.

— Мм... А я думалъ, что ты губернаторъ...

— Развѣ я похожъ на него?

— Я не знаю. Если ты не губернаторъ,—зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Да я-же тебѣ сказалъ.

— А-а!..

Опять тоскливая пѣсня.

— У меня есть уха и квашеная морошка. Я дамъ. Желаешь?

— Нѣтъ. Благодарю.

Корелякъ гостепріименъ, религіозенъ и отличается трезвымъ поведеніемъ. Это не то, что лопарь, котораго за стаканъ „норвецкаго пойла“ можно наизнанку вывернуть. Въ Кореліи нѣтъ кабаковъ.

Посты соблюдаются строго. Въ постные дни—грибы и картофель на столѣ. Мяса, дичи, молока—ни-ни!

— Погоди, жонка придетъ — она на берегу, кофе сваритъ.

— Спасибо.

— Хорошій кофе, изъ Норвеги.

Корелы любятъ и чай и кофе, которые приготовляютъ, сказать правду, не лучше зырянъ. Впрочемъ, безъ аниса, лука и перца.

Корелъ сѣлъ возлѣ меня и обратился лицомъ къ Ругозеру. Онъ былъ типиченъ. Невысокъ, но

и не малъ; рыжеватые волосы спускались на лобъ а-ля-Капуль; курносый носъ торчалъ надъ толстыми губами, голубые глаза бѣгали подъ густыми бровями. На немъ была свитка, изъ-подъ которой виднѣлась холстинная рубаха и желтые, вѣрнѣе, бурые сапоги.

— Долго жонка не идетъ. Долго!

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью...

Онъ пѣлъ, какъ и говорилъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ, до-нельзя искажая мотивъ. Я былъ, признаюсь, пораженъ. „Въ Кореліи, въ далекой сѣверной глуши—пѣсня!?“

— Ты знаешь русскія пѣсни?

Онъ мягко, сконфуженно усмѣхнулся въ окладистую бороду.

— Знаю. Мы поемъ русскія пѣсни. И я пою и жонка. Мы выучились.

— Кто васъ научилъ?

— Поморы. А вонъ и женка. Иди-и, жо-онка!

Она шла изъ лѣсу, въ сарафанѣ и также въ свиткѣ. „Жонка“ несла коробку не то съ рыбой, не то съ дичью. За плечомъ у нея висѣло ружье.

— Здорово, хозяйка!

— Ага!

Оскалила зубы, поклонилась. Мужъ сказалъ ей что-то по-фински. Она смѣрила меня съ ногъ до головы. Улыбнулась

— Сварю, что-жъ!

И ушла въ избу.

Мнѣ понравилась эта мягкость, съ которою корелъ обратился къ женѣ. Развѣ русскій крестьянинъ такъ обращается съ бабой? Онъ деспотъ, онъ всюду и вездѣ и всегда даетъ ей почувствовать свое превосходство. Курица — не птица, баба—не человѣкъ.

Женщина, жена, другъ — это не понятно мужику. На сѣверѣ, напротивъ, полное равноправіе. Мужъ глава семьи,—такъ это отъ дѣдовъ и прадѣдовъ ведется, такъ это и отъ Бога суждено, но жена не теряетъ права на дружбу и уваженіе со стороны мужа.

Поморка, корелка, лопарка, зырянка,—о какъ онѣ знаютъ себѣ цѣну! Мощныя, энергичныя, непосѣдливыя, — да онѣ иного мужика за поясъ заткнутъ! На сѣверѣ существуетъ, такъ-называемая „сарафанья почта". Бабы за почтальоновъ. О бабѣ-десятскомъ говорилось раньше. Баба-охотникъ, баба-рыбопромышленникъ—кто-жъ о нихъ станетъ разсказывать? Самое заурядное дѣло.

И оттого, что у сѣверянки ничего изъ рукъ не вываливается, она не позволитъ мужу наступить себѣ на ногу.

За сдачей, ежели что, не постоитъ!

Корелы женятся самымъ простымъ способомъ. Приглянется парню дѣвушка, онъ ей прямо признается. Та согласна. Дѣло за свадьбой.

— Батюшку-бы..

— Какого?

— А попа! Какъ-же безъ него?

— До Бога высоко, до попа — далеко. Ну-ка, папенька, и ты, матица, благословите!

Родители благословили!

Выдвигается обычная сторона: невѣста съ двумя бабами идетъ по деревнѣ голосить. Невѣста голоситъ, бабы причитаютъ.

Передъ каждымъ встрѣчнымъ невѣста падаетъ на колѣни и голоситъ. О чемъ,—она и сама не знаетъ. Бабы вторятъ, — получается совершенно волчье тріо! Встрѣчный долженъ давать деньги. За такое удовольствіе... На собранныя такимъ образомъ гроши играется свадьба.

Время къ вѣнцу. Корелы вѣнчаются чаще въ церквахъ; дома, подобно лопарямъ, они не любятъ «вѣнчаться вокругъ стола».

Невѣстѣ закрываютъ лицо. Жениху даются въ руки платокъ и икона. Отправляются въ церковь.

Взявшись за кончикъ платка, невѣста такъ и идетъ въ церковь. Женихъ, прямо сказать, ведетъ ее. Въ церкви лицо невѣсты открываютъ, когда-же обрядъ кончится, его снова закрываютъ. Возвращаются домой.

Столъ готовъ; на немъ все, что было въ печи. Садятся. Молодой беретъ ложку каши и кормитъ молодую. Когда эта послѣдняя проглотитъ ложки три, повязку съ ея лица сбрасываютъ и тутъ начинается пиръ горой.

Пѣсни, смѣхъ, пляски. На свадьбѣ разрѣшается и выпить. И пьютъ безъ стѣсненія, сколько влѣзетъ. А извѣстно, что въ утробу соотечественника много влѣзетъ..

Однако, и кофе готовъ. Жонка корела зоветъ въ избу.

— Пойдемъ? Жонка хорошій кофе сварила.

— Пойдемъ хорошій кофе пить.

Изба въ десяти шагахъ. Вошли въ сѣни, миновали нѣсколькихъ четвероногихъ и вошли въ горницу. Кофе дымился въ котелкѣ, висѣвшемъ надъ очагомъ.

Мы сѣли за столъ. Хозяйка взяла котелокъ и разлила по чашкамъ... кофе. Я попробовалъ.

— А что? Хорошъ кофе?

Рвотное...

Корелъ пилъ и причмокивалъ отъ удовольствія:

— Хорошъ кофе, хорошъ кофе!..

Я молчалъ. Можно ли было его разочаровывать? Я не рѣшался, тѣмъ болѣе, что, когда я прощался съ ними, онъ въ сотый разъ и твердо рѣшилъ, что я губернаторъ.

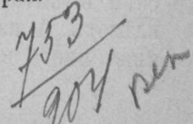
— Да почему губернаторъ-то?—едва сдерживаясь отъ смѣха, сказалъ я.

— А зачѣмъ ты пришелъ къ намъ? У насъ былъ разъ господинъ. Мы спросили: кто онъ? Намъ сказали: губернаторъ. И больше никого мы невидали. Вотъ и ты такой-же губернаторъ.

Святая простота!

Только, кажется, на сѣверѣ можно такъ легко очутиться въ «губернаторскомъ положеніи».

Далекій, глухой, но милый сѣверъ! прощай... просыпайся отъ вѣкового сна... Пора!..



Новая книга:

Павелъ Россіевъ.

„Общіе знакомые“.

Очерки и разсказы.

ЦѢНА 1 РУБ.

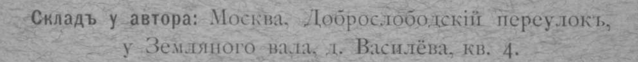
Продается въ книжн. магаз. и на станціяхъ ж. д.

Готовится къ печати:

„Гдѣ сытно живется“.

(Путевыя впечатлѣнія по Голландіи).

Со множествомъ рисунковъ.



Складъ у автора: Москва, Доброслободскій переулокъ, у Земляного вала, д. Василёва, кв. 4.

